

25-го февраля 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО

КОВАЦТВО

6

6

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го лютого 1928 р.
РРАНА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. *Гнат Махуха*: Брати мої. (Стихи).
2. *Юрий Гончаров*: Огонь. (Окончание).
3. *Борис Кундрюцков*: Уголек. (Стихи).
4. *Михаил Карпов*: Неугасимый. (Стихи).
5. *О. Олесь*: (Стихи).
6. *Петр Крюков*: Родимый Звук. (Стихи).
7. *Санжа Балыков*: Четыре встречи.
8. *Константин Поляков*: * * * Степнякам. (Стихи).
9. Историческая параллель.
10. *О. Долинский*: Государство и национальное самоопределение.
11. *Мих. Минаев*: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
12. *В. Глазков*: Казачья молодежь.
13. *С. Ф. Лантух*: Чешская Маффия. (Окончание).
14. *М. Фролов*: О двух „решениях“ казачьего вопроса.
15. Казачья эмиграция.
16. В РСФСР.
17. В Казачьих Землях.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

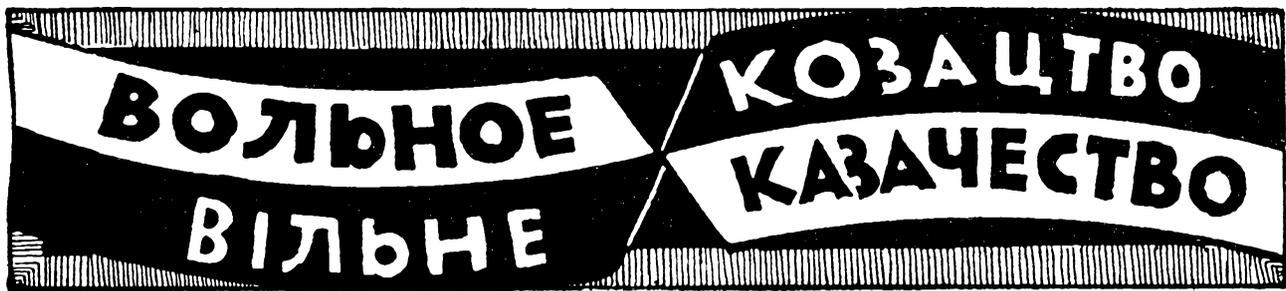
—→ Вільне Козацтво “

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р. . . . . 3 кр.	В Болгарии . . . . . 10 лева
В Польше . . . . . 0.75 зл.	Во Франции . . . . . 2 фр. 50с.
В Югославии . . . . . 5 дин.	В других странах . . . . . 15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 6.

Прага, суббота 25-го февраля 1928 г.

№ 6.

Гнат Макуха.
(Югославия).

БРАТИ МОЇ.

Брати мої, сини мої,
Сини слави й волі!
Чи гадаєте ви, милі,
Що Кубань в неволі?

Пошліть думку на Кубань ви,
Пошліть на могилу, —
Нехай стане, та огляне
Кубань нашу милу.

Нехай стане та огляне
Широкее наше поле,
Круті гори, річки, доли
І широкополі

Лани тії, на яких ви
Силу покладали,
А діди й батьки — сіроми
Кровью обливали.

Нехай стане та огляне, —
Лехше тоді буде:
Не так тяжко, як полають
Коли чужі люди;

Не так тяжко працювати
На чужому полі,
Брати мої, сини мої,
Сини слави й волі!

Ой згадайте, що ми мали
І що загубили,
І куди ми голівоньку,
Куди прихилили!

Ой згадайте, тай замовчіть:
Бо сором казати,
Що в кайдани є закута
Кубань — наша мати.

Чи на те-ж нас степи вільні
Як дітей кохали,
Щоб ми — сини, сини волі
І волі не мали?

Чи на те-ж нас вітри буйні
В степах обвівали,
Щоб степи ті і край рідний
Не нашими стали?

Чи на те-ж ми з покон-віку
Й козаками звались,
Щоб, згубивши край і волю,
В чужині блукали?

Гей, бодай сього до віку
Й ворогам не мати...
Зватись вільним, а в чужині
Наймитом блукати!

Так з'єднаймося ж до купи
Міцною сім'єю
Та добудем собі волю
Кровію своєю. —

Тоді будем не в чужині
В наймах хліб шукати,
Тоді буде „Кубань — неня“
Не сором казати;

Тоді будем працювати
На рідному полі, —
Брати мої, сини мої,
Сини слави й волі!

*****

Юрий Гончаров,
(Брно).

О Г О Н Ь .

(Окончание).*)

Ликующее утро повисло над землею. Вездесущие огненные лучи ткнут в небе величественный солнечный трон, на который — невидимый безглазому людскому стаду — придет в воссядет Тот, что имеет:

— острый с обеих сторон меч, выходящий из уст Его, и лице, как солнце, сияющее в силе своей... —

Воздушно-прекрасные одежды одевает рождающийся день...

Мы с пантатой во дворе пилим и рубим жилистые пни. У меня так и летят щепки во все стороны. Третий день я совсем не выхожу из дома. Но вчера видел Гедвику в окно. Все у нас что-ли кончилось? Ну и пусть... Вокруг — горы дров и щеп. Пантата доволен моим усердием. Пантата сам разошелся, глядя на меня, и чешет пни с остервенением; и между делом рассказывает, что пни ему обошлись вовсе за бесценок — дал на водку лесничему и все! А теперь дров на целую зиму. Пантате и невдомек, что купить дров стоило бы дешевле, что две недели, убитых им на корчевание пней — стоят в два раза больше; и что за свою работу не он лесничему должен был дать на водку, а — наоборот. Кроме того в самый большой пень мы засадили три топора и сломили топорища. Пантата предполагает купить порошу и взорвать пень!.. Он не шутит.

Со двора — на ладошке вся гора: пониже желтые скаты, а на самом вершине зеленая шапка соснового леса. И туда солнце мечет сверкающие золотые конья...

Пантата что-то говорит... Я знаю, что в субботу вел себя невозможно и что-то потерял окончательно... И пусть... Я не пойду каяться. К чему? Разве можно вернуть ушедший день?.. Ух, у меня так и разлетаются щепки!.. Пантата опять что-то лопочет. Благодушный человек.

За воротами, с коровой, напряженной в подводу (ну и обычай!), проезжает Янко и, снимая шляпу, кланяется. Я его в последнее время почти совсем не вижу...

К вечеру у нас гора дров. Их складывают Горчицны дети... К вечеру Алойз приносит мне в комнату кучу жирно-синих слив, чтоб я не говорил отцу о том, что видел, как он их рвал в саду.

Федоров попрежнему учит математику — то в постели, то на реке. Он заинтересовался моим усердием, но ничего не спрашивает. А попозже уходит к одной своей знакомой...

Снова вечер... Глядит сквозь опущенные вежды в приближающиеся глаза ночи... Снова тихими шелестами опускается задумчивая ночь...

Двор наш полон бледных фосфорических огней от щепок и полусгнивших корней... Странное бело-огненное царство...

Усталость очень скоро начинает смыкать мне глаза, чуть ноет тело и я быстро засыпаю... Во сне же душа человека улетает далеко отсюда, бродит по забытым местам, ищет и находит затерянные образы и замершие в далеком прошлом серебряные звуки...

* * *

Там, где долгие черные тени, повиснув на деревьях, медленно погружаются в молчаливую глубину речки, по вечерам я стою около пня. Приветствую текущую воду и уходящий день...

Янко теперь сторонится меня. Вокруг меня — лишь шелест воды, несущей из неведомых колдовских стран жемчужные весты, свежий вечерний воздух да зелень...

Огонь... Где достать огонь?.. И как найти этот таинственный синий цвет?.. В древних-ли, истлевших и изгзызанных временем, свитках истории? Или в давних сказаниях искать огненный путь? В степовых-ли песнях,

или аромате и дыхании гульливой жизни прошлого?.. Или может-быть в чем-то новом и неведомом случайно-откроет он свои лепестки?.. Я знаю, что нас много искателей огня, прислужников у великого Алтаря своего народа. И может кто-либо из нас держит уже в руке золотую искру, чтобы раздуть могучий пламень... Я хочу найти огонь. Но нужны-ли ум и знание, нужны-ли науки и хитрость к его уловлению?.. Или сила?..

Сила... Я долго верил в силу.

Раз в Болгарии звездным вечером рассказывала мне нянька Агафья Григорьевна древнюю историю.

„Жил когда-ся у нас казак Лукьян Жданов. И дознался Лукьян от проезжих, что около Ввшков сбочь озера проживал такой человек, кто гоэбрить — колдун, а кто — сам черт, прости Господи. А проживал тот колдун в лесу — стерег схороненный клад. И кто ни ходил из казаков за тем кладом — никто назад не ворочался. Всех колдун одолевал и вышивал душу. „Ладно“, — говорит Лукьян — „пойду я изувериться“. — И пошел. А был он страшной силы казак. По дороге как шел, нечистая сила все под яр его спихнуть норовила, а все-ж таки к озеру целый пришел. Толькя в лес — глядь — колдун спиной к ему сидит — чирик обувать. Вынул тут Лукьян вострую шашку и снес ему голову начисто. Ну, опосля, из воды сундук достал — зеленый-презеленый. А там-то добра! И золото, и одежда — всю чисто землю купить можно.

Вот и задумался Лукьян: „Сколько денег, а ворочусь к сабе — тому дай, энтому тоже, и расплывется вся богатство по сродственникам да кабакам“. Одолела казака жадность, так одолела, что про все на свете окромя сундука забыл. „Нет, — говорить — не ворочусь я на хутор“. И остался в лесу жить.

Люди-то скоро провадали, что колдуна убил какой-ся казак и сам клад стерегеть. Колдуна — нечистая сила, а человека не так страшно; вот и повалило к озеру народу клад добывать. Да не на такого напали.

Еще страшнее колдуна оказался человек. Вдарит плетью — череп пополам, пшажкой стебанеть — десяти голов и нету. Много бойцов и хитрецов ходило с им биться, да назад мало верталось. Вот и пошло по всему Войску, что и силы нету такой против Жданова. Стали тогда люди об'езжать подалее озеро, перестали к нему заявляться бойцы.

А как перестали охотники бывать в лесу, загоревал Лукьян. Загоревал и запечалился... Сам выходил на дорогу и шумел супротивников:

— Ей! Выходи сильные бойцы силу со мной пробовать!.. Эй, богатые да жадные!.. Сбирайтесь ко мне казну воевать!.. Сбирайся голь и пьяницы — у меня вам и одежда, и обуза, и вино разливное! Выходи бойцы на дорогу!! — Да толькя сильный — силе своей не верить, а богатому — жизнь дороже сундука золота. И еще больше затужил Лукьян. Так вот десять годов и прошло... Туда к нему в лес все дороги бурьяном зарасли, в бурьянах волки расплодились. Никто не навелся за десять лет к озеру.

А вот-же и нашелся на десятом году один казачек — Исай Греков. Говорили: лежал раз Исай поплудневавши, в балагане отдыхал, а нечистая сила представилась бабой и научила его — что делать. Взял Исай шашку и — хочь страшно, а зашел в лес.

Сила-то она, Андрюша, скрозь человека, как вода скрозь бредень, уходит, все-то ее доливать надо.

Вошел Исай в лес и видит: вовсе не сильный дед сундук стерегеть, — чего люди боялись?

Обрадовался Лукьян новому бойцу, вытащил шашку. А шашка-то заржавела, а сила-то в землю ушла... Бились Исай с Лукьяном недолго; зарубил Исай Лукьяна, забрал сундук, а воротившись скоро по кабакам все размотал да бабам пораздарялся.

*) См. № 5 журнала.

Говорили мне, что это было, когда у нас богатыри были. А я и не знаю: чи они были на самом деле богатыри-то, Андруша? А?..“ —

Долгие черные полотнища покрывают небо со всех сторон... Кто-то сметает в черный мешок серебряные звездочки с неба...

Где огонь?..

* * *

— Паненка Мария! Слыхали, пане Андрей?.. — запыхавшись сообщает хозяйка. — Янко нынче ночью повесился в сарае. Пришли, а он — уже мертвый... Ах, бедняга!.. Ну с чего-бы это он? — Пани мама, немного отдышавшись, вздыхает и высказывает свои соображения: — Тяжело калекой жить. Хотя ему что? Он же не седлак, а торговец. Тетка его должно-быть очень уж заедала. У него бедняка мать уж пятнадцать лет, как померла... Что-же это вы такой бледный нынче, нездоровится что-ли? —

На один момент у меня перехватывает дыхание.

— Не знаю... А отчего? Не писал?..

— Ни словечка... Я думаю это его тетка довела до такого дела, — убежденно повторяет свою догадку пани мама.

Я выхожу.

— Что это с вами? — спрашивает Федоров.

— Ничего. Янко повесился.

— Да что вы? — он так и подскакивает с кровати.

— Правда.

— Отчего?..

— Не писал.

Федоров молчит. И я молчу. Вероятно, он думает сейчас: „Вот один чудак обломал крылья, погиб нуль. А ведь и тебя на такое может хватить“. Нет, дружище Федоров. Обо мне — ошибаешься.

— Что-ж, вы пойдете посмотреть?

— Нет.

— Да, конечно, не стоит любопытствовать, — соглашается он и помолчав говорит, задумчиво жуя яблоко:

— Странно как-то всегда бывает, когда хорошо-знакомый тебе человек вдруг умирает. Ну, да в конце концов — все помрем, — успокаивает он кого-то и опять ложится читать.

Но математика вряд-ли идет ему в голову; взгляд его — поверх книги.

Я не пошел на похороны...

* * *

Не зажигая света, мы садимся за стол все вместе: сам Горчица, Тереза, пани мама, Алойз, я и Федоров. В ожидании ужина пантата закуривает трубку и скромно [человек знает себе цену] говорит: „Сейчас копал Янке могилу; он когда-то просил похоронить его в одной могиле с матерью. А та, хоть уже пятнадцать лет в земле лежит, еще не сгнила. Смерд стоит кругом!.. И кофта еще целая, если постирать — можно носить“... —

Тереза с притворным ожесточением плюется, а пани мама восхищенно смотрит во все глаза — то на нас, то на Горчицу. „Наш пантата силач и храбрый“. Пантата, скромно улыбаясь, курит трубку...

За окном в дымящуюся синь кутает вечер четкую иглу костела и темными клубами оседает на еле виднеющуюся крышу училища...

... — Коллега Гнутов, — наклоняясь, тихо предлагает Федоров, — идемте после ужина к учителю.

— Нет, — с трудом говорю я, опуская голову, — идите сами...

* * *

Нежные смеющиеся дни текут перед глазами, как жемчужная нить...

У мостика, где к воде гнутся удивительно извилистые вербы, а за речкой зелеными платями шелестит лес, я сижу на траве...

Я люблю небо. Небо, дымящееся тучами и изрезанное синими огнями молний, небо звездное, и прозрачное утреннее небо. Но туда летал человек, осмотрел пустоту и сказал: „Там ничего нет“. Нет, я не хочу на небо, когда из тела отлетит дух мой. Ближе и родней мне —

озера и реки. Лучше сюда — где водяная небывьл создает чудесные сказки; где, как зеленый сон, струится жизнь; где в серебряные ночи шумят и колдовствуют водяные и ведьмы и — в золотые, лунные — плетут волшебные завесы над рекой... Мне хотелось-бы уйти в их жизнь, погрузиться в воду, в зеленый сон озера... Вода мне — своя. Ах, мне-бы хотелось после смерти глубоко под яром приютить свое тело в илу, под мокрыми корягами и пнями, а душу отдать нежитям и раствориться с водой — в воде... Видеть водяные чудеса, слушать без конца нерасказываемые сказки...

* * *

В деревенской школе уже начались занятия. Десятки мальцов и девчушек возятся и бегают перед уроком в школьном дворе. На солнышке — гам и возня и звонкий веселый смех дурачащейся с детишками Гедвики.

Смех ее мне — как скряге, звон золота в чужом кармане.

... По утрам цепа выколачивают сухими языками в стодолах предосеннюю песню. Скоро начнут облетать засквозившиеся сады... Скоро и мне уезжать отсюда...

Вот на балкон выходит учитель, издали приветствует меня и что-то кричит детям. Они, нехотя, идут в классы. Поворачивается и Гедвига..

— Что-ж вы уходите? — выдавливаю, наконец, из себя я, — не хотите поговорить на прощанье?

Она нерешительно поворачивается. Быстро вскидывает глаза и сейчас-же опускает.

Время сделало свое дело. За каких-то три недели мы стали совсем чужими. Она, как девочка, переминается с ноги на ногу, не зная, что делать.

— Вы похудели за это время, — тихо произносит она.

— И вы... тоже, как-будто, — срывается у меня.

Над нами зеленый шатер из ветвей и близко — острая верхушка костела... На одно мгновение у меня мелькает мысль — отказаться от того, зачем я сюда пришел.

Э, нет.

— Вы знаете, что Янко повесился? — спрашиваю я.

— Знаю, а как-же? — недоуменно снова вскидывает она глаза.

Я долго и тяжело в упор гляжу на нее.

— И знаете отчего?

— Нет, — уже что-то чувствуя, говорит Гедвика.

Я усмехаюсь.

— Неужели не знаете? Впрочем, видно вы и в самом деле — не знаете. Разве вам могло прийти когда-нибудь в голову, что и калека — человек? А ведь вы — же, просто по свойству своей природы, нынче с одним пошутите, а завтра с другим.

Вы даже и не могли подозревать, что к числу ваших самых пылких поклонников и он оказался пристегнутым. Нет... Неужели-же вы действительно так-таки вовсе и не замечали, что с ним творится?.. Хотя — нет, конечно. Где-же там?.. Вот вы и дошутились.

Она страшно бледнеет сразу. Жесткие слова мои, как свистящие бичи, полосуют ее лицо.

— Хочется на прощанье сказать вам пару слов. На память. Янко, конечно, повесился из-за вас. Я — свидетель его восторгов при упоминании вашего имени. Эти восторги мне приходилось от него слышать чуть-ли не каждый день, пока он мне с ними не надоел. Ну это дело ваше, а я хочу вам дать для дальнейшего маленький совет. Вы ведь с каждым ласкова; так не балуйте по крайней мере хоть с теми, кто для вас — пустое место...

У нее начинают дрожать губы... Она сейчас заплачет... Слово мне, Гедвика... Одно словечко слово...

Нет. Она пересиливает себя и, прерывисто вздохнув, говорит еще дрожащим голосом:

— Какой-же вы... злой...

И, не прощаясь, идет в училище, все ускоряя шаг.

Мне хочется грызть землю. Но я сажусь на ступеньку и сижу неподвижно, охватив колени руками...

* * *

Опять косматая тень ложится от горы на реку и мостик. И катится по садам, путаясь в ветвях, огромный желтый круг луны, сея беспокойный фантастический свет...

Здесь в тени у воды призрачным фосфорическим светом горят гнилушки, и тьма, как женщина в черной одежде, льнет к мостку. Здесь, когда коренья горят белым дрожащим светом, всякое примерещится у реки... Тяжело припадая, по ступенькам сбегает вниз Янко с толстым обрывком веревки на шее и, наклоняясь к уху, шепчет гнусные, ядовитые слова: „Говорил ты: жизнь — только сильным; только сильным любовь и радость. Калеке ничего не хотел оставить. Эх, ты, горе мудрец!.. Жаль, что я тебя тогда ничему не мог поучить, все ты поучал... Но хоть теперь я тебя научу видеть, что и сильным, и слабым, и красавцам, и уродам — один конец, если в Бога не верить и в дух Божий. И сильное тело сгниет и слабое тоже. А в Бога-то ты как раз и не веришь!..“

Янко открывает рот, полный гнилых черных зубов, и смеется душным собачьим лаем...

... „Не веришь! Не веришь!.. Знаю я твою веру: свечечки, темные иконы, сумрак ладанный и прочая церковная романтика... Но в Бога то ты — не веришь... Ну и сгнивай себе на здоровье! К чему твоя сила, если оба мы — червяк на ужин?..“

Слова мучительным ядом пронизывают тело, плетью виснут руки — отравы разлилась в крови...

Янко ближе дышит смрадным ртом:

„Огонь собираешься народу искать?.. Ты-то?.. Х-хы... Нуль пустозвонный!.. Ты и свой-то огонь не с'умел уберечь. Улетел он твой огонь — огонек... смугленькая Гедвика!.. х-хы... Нету его больше... Ау!..“ —

Спать... Спать скорее... В руках у меня злая отравы и мутнейший сон в глазах...

В улицах лунный свет. Дома тишина. Нет только Федорова... Гуляет...

В окне, сейчас же за рамой, совсем близко придвинула луна свое желтое лицо... Верно в такую ночь по курганам бегал богатырь и свистал мечем: „Эй люди!.. Эй, богатые да жадные!.. У меня-ли чего нет?.. Выходи!..“ —

В желтом свете луны виснут за окном яблоки и она сама все ближе и ближе подвигается из-за окна... Желтый лик плющится, растет и разгорается все сильнее, заполняет собой всю комнату, пышет жаром и стоит в ногах у постели нестерпимо-душный...

Нет! Я не могу спать в такую ночь...

... По бокам шоссе голые черные поля расстилают широкие ковры... Небо — мутная осенняя вода в безкрайном озере, а над балками гомозятся бело-сивые туманы.

Далеко уже позади осталась деревня, чуть видна верхушка костела... Я иду в город... Чемодан мой, слава Богу, не тяжелый — пуст.

Очень удивлялась хозяйка моему неожиданному отъезду, даже вначале не поверила. Федоров ни слова не сказал. Он еще недельки на две останется здесь... Я иду... Слава Богу, пуст мой чемодан, и день не жаркий — через полчаса буду на станции. А оттуда — и к себе... Вечером приеду в свой город. Со всех сторон понесется гул и грохот, тысячами огней полетят на меня улицы... Огни... огни... там их много огней, а огня — нет...

Резкий круг чертит далекий горизонт... Пусто в поле... И вдруг сбоку на полосе какой-то парень громко затягивает знакомую мне песенку:

— Не ходи, Янко, через полянку,

Не ходи, Янко...

Далеко и сильно кружится над землей мотив... Но песня эта и синюющие леса вдаль — мне — уходящему уже кажутся и воспринимаются как далекое воспоминание. Душой меня уже здесь нет.

27—X1—1926.

*****

Борис Кундрюцков.
(Загреб).

УГОЛЕК.

В щит я вправил жаркий красный уголек...

На огонь — улыбка девушки прошедшей,

На огонь — чуть слышный быстрый говорок
И свистящий шопот: — Рыцарь сумасшедший.

Он прожег мне руку, но колдую им:

— Семь планет далеких, дальних семь
планет... —

Сам стою голодным, диким и босым
С напряженной волей — бешенный поэт...

Из прожженной раны кровь по каплям вниз:

Каплям — пыль и листья узкие травы,

Каплям — есть ладони узкие Валисс...

Нижут их на струны тонкие персты.

Призраки оденут красные рубины...

А в рубинах — радость девушки прошедшей,

А в рубинах — жизнью сломанные спины

И застывший шопот: — Рыцарь сумасшедший.

Михаил Карпов.
(Болгария).

НЕУГАСИМЫЙ.

Тихим инеем бела моя душа

И тревожна пустотою звонкой.

Ты прошла в окне, чудесной мглой дыша,

Проструилась тишиною тонкой.

Я затих и ждал, отдавшись ворожбе:

Не скользнет ли мягко луч неясный?

И звучал, любил и плакал вслед тебе

Песней чуткой, нежною и страстной.

Ты ушла в туман, не шелохнув покой,

Влажных глаз к земле не уронила,

Не услышала и бледною рукой

В даль свою меня не поманила.

Годы холодом и сединой сквозят.

Я молюсь твоей угасшей тени.

Полумрак, покой, безмолвных ликом ряд,

Жесткий пол, уставшие колени.

*****

О. Олесь.

* * *

Як тихо скрізь!.. Заснули доли
І полонина в тиші спить...
Не зашумить шовкове поле,
Ніде листок не затремтить...
Хотів би так і я заснути,
Та серце зранене моє
Усе ще з келиха отрути
Останніх крапель не доп'є.

* * *

Фіялки сліпий продає:
„Візьміть хоч за хліба ковалок“!
Ах, серце розбите моє —
Те-ж повне пахучих фіялок.
Вони не почули благань,
Не кинули хліба сліпому...
О, серце розквітле зів'янь —
Фіялок не треба нікому!

Петр Крюков.
(Болгария).

РОДИМЫЙ ЗВУК.

Как звон струны, щемящий сердце болью,
Как нежный стон страдалиц матерей, —
Несется звук по старому Заполью
И будит он простор Донских степей.

Как шум волны реки, покрытой вечной славой,
Как сказ колеблемого ветром ковыля, —
Звенит, переливается, летит незримой лавой,
И гулом звука полнится земля.

Как жаворонка песнь хвалебная раздолю
Родных полей вещает юный май —
Звенит, переливается по старому Заполью
Волшебный звук: — Родимый, милый Край!..

Санжа Балыков.

Четыре встречи.

В станице Батлаевской было освещение нового храма — „семе“.

Этот храм стал самым лучшим из храмов всех калмыцких станиц. Весь кирпичный, высокий, просторный и красивый, гордо возвышался он над небольшой станицей.

Освящение храма привлекло калмыков со всех тринадцати станиц. Хурульное духовенство, под руководством самого Ламы донских калмыков, служило торжественный молебен.

Однообразно, монотонно басили гилюны, тоненькими и резкими голосами вторили манджики, сверкая на солнце бритыми головами. Мощно и своеобразно, красиво для слуха калмыков, пел бюре-бишкур, заливалась флейта-дунг, гремели цанг — медные тарелки...

Вокруг духовенства тесно сидят тысячи пестро разодетых мирян, заполняя хурульный двор. Молитвенно сложены руки. Уста шепчут — „ом мани бадме хом“...

Июльское солнце немилосердно печет обнаженные головы молящихся.

Но вот молебен окончен. Сперва священники, а потом миряне стали подходить под благословение Ламы. Все встали. Стало тесно и душно.

Высоко держа в руке картуз, оглядывая окружающих, медленно двигался Джисан в сторону Ламы, прижатый со всех сторон горячими и потными телами. Ему, двадцатилетнему парню, давка не была тяжела.

Взор Джисана остановился на рослой и широкоплечей фигуре девочки в белом чесучевом, хорошо сшитом, бешмете. Незнакомка была недалеко от него и, обливаясь потом, тоже двигалась к Ламе. Джисан всмотрелся. Широкий нос, почти исчезающий в переносьи, скуластое лицо, мясистые губы не делали ее красивой. Но светлый, не калмыцкий цвет лица, яркий румянец на щеках, — выделяли ее из окружающих смуглых лиц. А большие, черные, внимательные глаза, черные брови, приятная улыбка, которая показывала ровные, большие, удивительно белые зубы, сглаживали первое впечатление от ее наружности.

При более внимательном взгляде она показалась Джисану милой и привлекательной. Вдруг глаза ее встретились с глазами Джисана. В несколько мгновений она пристально осмотрела его высокую фигуру.

Джисан медленно, но упорно начал принимать в сторону и скоро очутился вплотную рядом с ней.

Едва заметная улыбка промелькнула на ее губах.

Помолчав немного, отерев платком пот с лица, он шопотом, направляя слова прямо ей в ухо, спросил:

— Какой вы станицы, сестра?

— Бурульской... вы не узнаете меня, я вас знаю по Чепраку.

— Не помню вас... я почти не бывал в пансионе наших учениц...

— Зато перед окнами прохаживались каждый день, — с улыбкой вставила она.

— Ну, значит мы знакомы. Как ваше имя, — спросил Джисан.

— Чванал, — тихо прошептала она и шевельнула пальцами опущенных рук.

Джисан догадался и успел пожать кончики ее пальцев.

Подпираемые толпой, они незаметно подошли к Ламе. Прервав разговор, стали подходить под благословение и потеряли друг друга из виду.

В это время в стороне от хурула станичный атаман, высокий смуглый калмык, с кучерявыми, как у цыгана, волосами, выравнивал тридцать лошадей, участвующих в скачке на „храмовой“ приз в сто рублей. Уловив момент, когда горячие лошади сравнительно выравнялись, атаман громко крикнул: „пошел!“ Щелкнули плети, звякнули стремена и, подняв облако пыли, лошади кучей ринулись в степь и скоро скрылись из виду.

Скачка была на пятнадцать верст.

До возвращения скакунов, стали вызывать борцов от станиц. Денисовская станица вывела молодого, но уже успевшего сделаться в своей станице популярным борцом, Доржу Ашланова. Ему пришлось бороться с местным силачом, неуклюжим Бурче.

Раздетых борцов, с засученными до колен нанковыми кальсонами, накрытых черными покрывалами, вывели на середину большого круга.

Подведенные друг к другу, борцы схватились.

Доржа взял за пояс через плечо и нагнул Бурче. Завозились, закрутились.

Публика вдруг ахнула... Ноги Бурче высоко замелькали и, описав в воздухе круг, с силой шлепнулись о землю. В ту же секунду Доржа уже лежал на нем и крепко давил локтем в грудь. Бурче лежал и не шевелился.

Тихо зашушукали зрители, зароптали и загорячились местные, шум одобрения пошел в стороне Денисовцев.

Доржа встал, а Бурче лежал в обмороке.

Победитель подошел к Ламе и три раза земно поклонился. Лама благословил и дал золотой пятирублевик и белый платок.

— Едут, едут, — закричали вдруг. Публика бросилась к воротам хурула. Возвращалась скачка.

Рослый рыжий красавец Очира Сокунева Денисовской станицы, далеко бросив остальных, свободно пришел впереди. Из тридцати участников этой скачки обратно пришли около десяти. Три лошади пали. Остальные, видя бесполезность скачки, вернулись с полпути.

Денисовцы торжествовали. Слава о Дорже Ашланове и о лошади Очира Сокунева должна была разнестись по всем тринадцати станицам.

II

Был 1920 год.

Стояли январские дни с сильными ветрами и холодными дождями. По размякшей черноземной дороге на Кубани шли разрозненные, хмурые, промокшие небольшие части белой армии.

По этой же дороге, попеременно с войсками, шли многочисленные подводы беженцев донских калмыков, снявшихся при приближении красных с веками насиженных мест и пустившихся в неведомое странствие от стара до мала, со всем домашним скарбом и скотом. Скот и скарб давно были брошены, и калмыки теперь уже были нищие.

Сотник Джисан Шулаков, из рядов Калмыцкого Зюнгарского полка, с болью в сердце смотрел на страдания и гибель своего, так недавно беззаботного и богатого, народа.

Иные с полстянными будками на возилках и можарах, другие на бричках и дрогах, многие пешком, кое кто верхами, голодные и изнуренные, тянулись его сородичи, увязая в липкой грязи. Весь их путь был отмечен свежими следами смерти, нечеловеческих страданий. Не видя крова ни днем, ни ночью, грязные и завшивевшие, шли они, стараясь не отстать от частей войск.

С непроницаемо равнодушными лицами, без ропота на Бога, покорно перенося несчастья, упорно шли они вперед, не зная сами куда.

Тиф свирепствовал среди них.

Павшие от истощения лошади, быки, верблюды, брошенные подводы с вещами калмыцкого хозяйства, умершие и брошенные без погребения люди, наконец, кое-где полуживые, оставленные у дороги за невозможностью дальше везти, — отмечали путь многострадального народа.

Там маленькая девочка, увязая в грязи, вела в поводу исхудалую лошаденку, на которой с трудом держалась больная тифом мать. Здесь мальчуган правил парой лошадей в бричке.

Мальчик радовался, что отец его, все время стонавший и бредивший, наконец уснул и вот уже целый день лежит без движения и без звука...

Обычно шумные и веселые, Зюнгарцы притихли и приуныли, видя муки своего народа.

Многие казаки отделялись от полка и присоединялись к своим беспомощным семьям. Иные присоединяли членов семьи к полку.

На лицах многих закаленных в боях Зюнгарцев видны были слезы. Чтобы скорее провести полк мимо этого кошмарного зрелища, командир полка повел Зюнгарцев рысью.

Уже редела беженская колонна, когда Джисан заметил рослую девушку в черном кафтане, в высоких больших сапогах, с длинным кнутом в руке шагавшую рядом с быками, еле тащившими возилку. Он без труда угадал в ней Чавлан, с которой четыре года тому назад познакомился при иных обстоятельствах.

Джисан выехал из рядов полка и под'ехал к ней.

Она угадала его, и ее чудные глаза как будто за сверкали радостью.

— Здравствуйте, Чавлан, как дела?

— Плохо... быки устают, мать больна... я одна.

— Знаете, Чавлан, мне сейчас некогда, но мы, наверно, станем на ночь в той станице, которая уже недалеко перед нами, я встречу вас на дороге. Мы вече-

ром придумаем, как быть вам дальше, у меня в полку есть еще свежая заводная лошадь... Ну, так согласны принять мою услугу?

— Хорошо... встречайте.

— Так, а пока до свидания...

Они протянули руки, глаза обоих были полны слез. Зюнгарский полк, не останавливаясь, прошел ночью дальше. Чавлан и Джисан не увиделись.

Тревожные мысли о Чавлан часто щемились тех пор сердце Джисана.

III

Белая армия, преследуемая красной, дошла до Черного моря и начала беспорядочно грузиться на пароходы в разных портах.

Большая часть беженцев калмыков не дошла сюда. Старые, больные и безлошадные, отставая по пути, разновременно были захвачены большевиками, у которых подвергались новым мукам издевательства и насилия. Но и избежавшим этой участи мало было радости.

Командование белой армии было занято спасением собственных шкур, во-первых, и заботой о своих надежных частях, во-вторых. О каких-то беженцах, да еще калмыках, думать было некому.

Пройдя тяжкий путь страданий, только благодаря своему упорству и выносливости дойдя до этой заветной черты, они должны были остаться здесь и попасть в руки сурового врага, не имея возможности переплыть море. Только немногим калмыкам случайно удалось попасть на пароходы. Нашлись и такие, которые предпочли морское дно ужасам плена.

Калмыцкий Зюнгарский полк грузился у Нового Городка за Адлером. Здесь были только Донские части и погрузка проходила спокойно. Грузились здесь и многие подоспевшие беженцы калмыки.

Звуду Джисана выпало грузиться в числе первых. Лодка, управляемая матросами англичанами, быстро удалялась от берега, направляясь к далеко стоявшему большому пароходу, когда с берега донесся до слуха Джисана женский крик:

— Джиса-а-ан!

Джисан оглянулся, и на берегу, в теснившейся группе беженцев, зоркий глаз его узнал светлое лицо Чавлан. Она стояла у самой воды и что-го видимо кричала ему.

Джисан беспомощно развел руками и показал на пароход.

До самой темноты, до конца погрузки стоял Джисан на борту парохода, все поджидая, не подвезут ли сюда Чавлан. Англичане размещали людей на пароходы по своему усмотрению, и Чавлан не попала на этот пароход.

В Крымских портах пароходы выгружали людей разновременно и даже в разных портах, и Чавлан и Джисан не увиделись и при выгрузке. Зюнгарский полк, отдохнув немного в одном из сел Крыма, пошел на фронт.

Четыре месяца прошло в частых и кровавых боях. Жертвы калмыцкого народа увеличались еще сотней убитых и искалеченных его сынов. Калмыцкий полк до конца исполнял свой долг перед Доном.

Джисан получил известие, что Чавлан выехала в Крым и находится при детях сиротах в Евпатории. Он несколько раз пытался поехать в отпуск к ней, но каждый раз получал от командира полка обещание и просьбу подождать.

Красные загнали белых сперва в Крым, а потом ворвались и в это „гнездо белых“.

Белая армия кинулась к портам и опять спешно стала грузиться.

С армией Врангеля на разных пароходах выехало за границу больше трех тысяч калмыков. Не меньше их осталось и в Крыму, не успев на погрузку.

Зиму 1920 — 21 года калмыцкий полк провел в лагере Кабакджа в Турции. В норах, вырытых в сырой земле и накрытых землей же, прозимовали здесь калмыки, терпя холод и голод.

Джисан не имел никаких сведений о Чавлан. Наконец, к весне он получил известие, что она в Болгарии и уже вышла замуж.

Смутные надежды Джисана погасли. Он немедленно покинул полк и с партией своих Зюнгарцев поступил в обоз английской армии в Турции.

IV

Через два года Джисан поехал в Болгарию.

В первом же большом городе, увидев на станции своих станичников, Джисан слез с поезда и остался здесь. Обрадованные станичники привели его к себе на квартиру.

Джисан у колодца смывал с лица дорожную копоть, когда проходила мимо него женщина высокого роста, в серой вязанной шерстяной жакетке. Он взглянул и взоры их встретились.

Чавлан покраснела и, едва слышно ответив на приветствие, ускорила шаги.

Войдя в хату, Джисан узнал от жены своего станичника, что у Чавлан двухлетний ребенок и что ожидается еще.

„Никакого разговора быть не может... она права, никогда между нами не было определенных разговоров... дай Бог ей счастья... я уеду дальше“... — думал про себя Джисан, вытирая мокрое лицо.

Прошло три — четыре дня.

Джисан, побродив по городу, возвращался в квартиру. Ходить было далеко. Проходя через городской сад, он присел на скамейку в тени дерева — отдохнуть.

Был жаркий день ранней осени, и еще приятно было, наморившись, посидеть под тенью.

Раздались шаги и мягкий женский голос произнес:

— Что это вы так мрачно задумались, не нравится вам Болгария? — Подходила Чавлан с каким то узелком в руке.

— А, это вы... видите, сел отдохнуть и задумался, — отвечал Джисан, отодвигаясь на скамье.

— Нет, вставайте, идемте потихоньку... на ходу я лучше говорю.

— А, вы хотите много говорить? — шутливо заметил Джисан, вставая.

— Вы думаете нам не о чем?...

— Нет почему же не поговорить. Мы давно знакомы... расскажите, как выехали за границу, как жили и живете, впрочем, последнее ясно: вы счастливы.

— Выехала я в кошмарных условиях. Жила ужасно. Голодала, болела, была одна... и вы ошибаетесь, что я теперь счастлива, — сказала она и замолчала.

Молчал и Джисан.

— Вы предположили, что я счастлива, — начала она после продолжительного молчания, — увидев, что у меня ребенок, что я обута, одета, не правда-ли?

— Да, — отвечал Джисан.

— Нет... я несчастлива. Мужа не только не люблю, но даже не уважаю. Он женился на мне благодаря исключительно безвыходному моему положению. Как хотите судите меня, но умереть в двадцать три года я не сумела... Неужели вы думаете, что для счастья молодой интеллигентной женщины достаточно куска хлеба, нового платья, какого-нибудь мужа и ребенка? — спросила Чавлан.

— Я ничего не думаю, и не знаю, чем могут быть счастливы женщины, вам, пожалуй, это виднее... Одно могу сказать, что ваше несчастье меня печалит. Я был бы рад, если бы вы были счастливы, жаль... знать ваша судьба была такова, поживете — привыкнете.

— Вон ты, что говоришь, — протянула она, переходя на „ты“, — а я думала иначе. Думала, что ты приехал ко мне...

— Гм... почему же? — пробормотал Джисан.

— Не знаю, может я ошибалась, мне всегда казалось, что мы... я с тех пор, как мы познакомились, часто думала о тебе...

Глаза ее увлажнились и она умолкла.

— Чавлан, — дрогнувшим голосом заговорил Джисан, — вы не ошиблись. У меня в мыслях никого не было, кроме вас, но теперь поздно об этом говорить. Вы уже связаны. Я решил влачить одинокую жизнь.

— Я это знала, что ты не заговоришь со мной, с замужней женщиной, и уедешь молча, и потому, как это ни стыдно, решила сама начать. Я уйду от мужа, ребенок не жилец на свете, он рахитичен... да и сама я не долго проживу. Беженство не прошло даром. У меня туберкулез и, кажется, скоротечный. Знаю, что недолго мне жить. И вот потому хочу хоть один год, полгода, месяц пожить с любимым мужем... с тобой.

Не ожидавший такого рода разговора, Джисан опешил.

Они долго шли молча.

Наконец, Джисан сбиваясь начал:

— Я рад и если ты, женщина, идешь на такую жертву, мне ли чего бояться для своего же счастья! Я готов. Только нужно обставить так, чтобы было меньше шуму.

— Не бойся, я уйду к своей родственнице, которая давно хочет, чтобы я ушла от мужа. Через месяц рожу вот другого ребенка, отдам и его им и я свободна. Чтобы не вызывать подозрений, ты завтра же уезжай в Софию. Ну, довольно, мы уже пришли домой, и так наша четвертая встреча будет последней.

— Почему? — спросил Джисан.

— Потому что мы теперь не расстанемся, — проговорила она и свернула в сторону своей квартиры.

Джисан на другое утро с первым поездом уехал в Софию.

Не прошло и недели, как разнеслась весть, что Чавлан уходит от мужа. Шило все же не утаилось в мешке. Скоро многие шептались о причине такого внезапного развода и, упоминая имя Джисана, не ошибались.

Чавлан, несмотря на слезы и мольбы мужа, на его угрозы, ушла от него. Через три — четыре недели родила больного ребенка и, после родов, не вставая, легла в больницу.

„Я слегла в больницу. Не знаю, поправлюсь ли. Если к весне выйду отсюда, то мы, значит, поживем с тобой, но чувствую, что болезнь с'едает меня. Дети мои умерли, но не столько думаю о них умерших, сколько о тебе желанном, хотя знаю, что они — часть моей души и тела. Не печалься много. Может Бог и благословит нашу любовь. Ибо все от Бога. Не было бы воли Его, мы не полюбили бы друг друга с первой встречи и так крепко.“

Деньги больше не присылай. Что прислано, — пока достаточно. Береги себя на работе для меня. Я так похудела, что кольцо, которое ты надел на безымянный палец, не держится и на большом.

Чтобы ни случилось, знай, что я искренно тебя любила и умру с твоим именем на устах и до конца буду благодарить тебя за твою любовь. Твоя Чавлан“.

Читал Джисан, идя по улицам Софии, и крупные слезы текли по его щекам.

Через два месяца Джисан приехал в больницу, где лежала Чавлан.

Тихий майский день клонился к вечеру.

Джисан сидел на могиле Чавлан и в еще свежую глину втыкал ромашки и разбрасывал мяту.

Сумерки сгустились, было уже почти темно, когда Джисан ушел с болгарского кладбища...

Ранее вышедшие номера журнала, вследствие ограниченного их количества в редакции, впредь будут высылаться исключительно за плату.

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Степнякам.

Степь широкая, степь и курганы...
Те курганы — могилы донцов,
Их призывали к борьбе атаманы
И примером им был Чернецов.

Но траву вековую седую
Грубо смяли братья — враги...
От бессилья рыдая... тоскуя,
Отступили твои казаки.

И снаряды с шипящим звоном
Рвали пышную грудь твою...
Гулкий выстрел пронесся над Доном —
Кончил жизнь Атаман свою.

Да в степи далеко за курганом
Подголосок рыдая звенел,
Будто рвался туда, к Атаману, —
Панихиду по Воле пел.

Кровью алою Дон залился,
По станицам набата звон,
С силой страшной в винтовку впился
И восстал, всколыхнулся Дон...

Да в Черкасске, склоняся к стремяни,
Мать мочила слезами платок —
Сына малого, раньше времени,
Провожала в Кривянский полк.

И шатаясь домой возвратилась,
На колени встала в углу,
Взором мутным в икону впилась,
Иаливая свою тоску.

Песню смерти пели снаряды,
Пули жертву искали свою.
Поредели казачьи отряды,
Степняки не склонялись в бою.

А на утро, лишь стало светиться,
Мглу прорезал церковный звон, —
У собора казачьей столицы
Возродился могучий Дон.

И, прикинув лицом к стремяни,
Слезы радости мать лила, —
В дни безумья и безвременья
Степь родимая сына спасла.

Степь широкая, степь и курганы...
Те курганы могилы донцов, —
Там нашли свой конец атаманы
Сном могильным заснул Чернецов.

10/XI-27.

*****

Историческая параллель.

История, как известно, никогда никого и ничему не учит, но все же в ней всегда можно найти некоторые параллели, весьма интересные и многое поясняющие. Укажем на одну из них.

Полтора года тому назад на украинском научном съезде одним из его участников сделан был доклад о Киевской эмиграции XIII стол., известия о которой сохранились в чешских исторических документах того времени. В декабре 1240 года татарские войска взяли приступом Киевскую цитадель, а в мае следующего 1241 г. киевские беженцы уже появились в Чехии, и особенно много было их в соседней с Чехией Саксонии, тогда еще в значительной мере славянской по составу своего населения.

Чешские документы очень подробно передают рассказы этих беженцев о татарах; но о том, что думали они о грядущей судьбе своего „славного королевства“ (illustre regnum — в латинском оригинале), умалчивают. Нам, пережившим аналогичные события не трудно восполнить этот пробел.

Конечно, эти эмигранты мечтали о том, что возвратившись на родину, они примут деятельное участие в борьбе за возрождение великой Киевской Руси. Во главе этой борьбы будет стоять великий князь Киевский (кстати, им был тогда знаменитый Данило, галицкий король); в помощь ему станут его младшие братья —

князья Суздальские, Смоленские, Ростовские и иные, а может быть и вся Европа.

Киевские эмигранты принадлежали к просвещенным людям своего времени и, без сомнения, должны были чувствовать в себе право и на эту помощь и на эти мечты. Ведь, гибель Киева была для тогдашней Европы, — в особенности для ее восточной части, — огромным экономическим и культурным бедствием. Киев был тогда вторым в Европе — после Византии — городом по своему богатству и по своей блестящей культуре. Киевские купцы вели оживленные сношения с Багдадом и северным побережьем Африки, со Скандинавией и Сирией, не считая промежуточных стран. Киев был светочем христианской культуры на Востоке. Сила доставила ему в свое время гегемонию на востоке Европы, но это верховенство удерживали его великие государственные, правовые, литературные и художественные достижения, заимствованные у него всеми соседними народами. Гибель Киева должна была казаться киевским эмигрантам нелепой и невозможной.

Как мы знаем, из этих мечтаний ничего не сбылось. Тщетно последний великий князь Киевский и король Галицкий вел многочисленные переговоры с европейскими дворами и даже с римским папой, обещая им различные компенсации; его надежды на иностранную интервен-

цию оказались напрасными. Европа прогнала от себя татар, но к восточным делам не проявила реального интереса. Не помогли и младшие братья.

Национальный и политический сепаратизм племен и народов, входивших в состав великого Киевского государства, расшатавший его устои еще до татарского нашествия, не позволил князьям и помыслить о спасении Киева и о восстановлении былого единства. Собственные силы государственного центра истощились, и Киевская Русь на долгие столетия сошла с исторической сцены, возродившись много позже, уже в этнографических украинских пределах, сначала в форме козацкого гетманата, потом в виде Украинской Народной Республики.

С падением Киева переместились точки приложения национальных сил на востоке Европы. Иначе, говоря современными терминами, — место украинского народа занял народ великорусский, находившийся тогда в стадии своего политического и национального самоопределения. Скромная киевская колония, заброшенная среди финских лесов, переходной удел самого младшего из сыновей Киевского князя, закрепленный наследственно за самой младшей ветвью киевской династии, — стал центром новой национальной и политической экспанзии.

Москва приняла на себя роль Киева. На востоке Европы начался, по выражению московского историка, великорусский период ее истории. Молодая нация, истокая свои силы в непрерывном вековом напряжении, огнем, мечом и договорами сколотила огромную империю, ставшую очередным гегемоном восточной Европы. Зажегши в свое время собственный национальный костер от культурного огня киевского светоча, вобравши потом в свои пределы самый Киев, она заимствовала и его старое имя, — правда, не подлинное, а в греко-латинской его переделке, — назвалась Россией.

На наших глазах с последним гегемоном востока Европы случилось почти то же, что пресекло и великодержавное бытие его далекого киевского предшественника. Неупорядоченная, отсталая государственность, оскудевший центр, разнообразие национальных, областных и политических самостийных движений, экономическая разобщенность и несогласованность всех частей огромного государства, — все это уже задолго до великой войны ослабило Российскую Империю изнутри, превратило ее в колосса на глиняных ногах. В мирное время этот колосс, при известном „ремонте“, мог простоять еще некоторое время; война ускорила его падение, сделала его катастрофическим.

Большевики, овладев Петроградом и Москвою, сыграли по отношению к России ту самую роль,

которую в свое время исполнили татары, взявшие киевскую цитадель; они начисто разрушили, до тла сожгли в огне своего появления на исторической сцене востока Европы самую ткань государственного существования бывшей Российской Империи.

Бесплодной словестностью заняты те, кто утверждает, что Россия существует, собранная под властью большевиков и их усилиями. Существует не Россия, а С. С. С. Р., т. е. некое новое государственное образование, стремящееся использовать бывшую территорию исторической России на востоке Европы и за его пределами в своих собственных целях. С. С. С. Р. своим существованием не утверждает, а отрицает историческую Россию, и каждый день большевицкой власти углубляет пропасть между прошлым и будущим востока Европы. Дней этих прошли тысячи, и теперь уже словами не засыпать этой пропасти, а прилагать к этому каких-либо усилий стало некому.

В этом также есть полная аналогия с татарским периодом в истории востока Европы. Татары, подобно большевикам, тоже собрали воедино почти все территории великого Киевского государства под свою власть. Но собранные вместе территории эти стали не Киевской Русью, а всего только улусами Золотой Орды. Освободившись же от татар, народы этих улусов не проявили никакой воли к старому объединению, а пошли каждый своею дорогою, прокладывая новые пути для утверждения своего национального будущего, не помня и не думая о том, о чем мечтали, к чему стремились киевские эмигранты, бежавшие от татарской беды в далекую Европу. Так будет и с С. С. С. Р. С падением большевиков падет и созданное ими эфемерное государственное единство.

В свое время историческую Россию один из русских ученых государствоведов сравнивал с кладбищем, на котором похоронены многочисленные местные автономии. С. С. С. Р., пользуясь тем же сравнением, можно уподобить тоже кладбищу, на котором лежат заживо погребенные республики и иные государственные образования. Развал исторической России вызвал из гробов всех похороненных в них „мертвецов“; падение С. С. С. Р. повлечет за собою восстание из могил всех заживо в них погребенных. Уже и теперь, хотя и живо еще Г. П. У., они „шевелиются“ в могилах, — кто сможет удержать их, когда не будет советской власти? — Не российская-ли эмиграция? — Без сомнения, она мечтает об этой роли, — поступать так, властно диктует ей историческая аналогия с киевской эмиграцией XIII стол. Сможет ли она? — Ответ на это дает та же аналогия.

*****

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

О. Долинский.

Государство и национальное самоопределение.

Нация является одним из наиболее активных факторов современной общественной жизни. Влияние нации особенно сильно сказывается на развитии культуры, обогащая ее содержание и внося в нее новые элементы прогресса. Мы видели в предыдущей статье, что степень культурного творчества отдельных наций нельзя измерять количественным методом, ибо по сути это вопрос прежде всего качественного характера.

Нельзя также удивляться, что интенсивная национализация общественной жизни нового времени естественно должна была отразиться и в политической области, иначе говоря, что раньше или позже нация и государство должны были стать соперниками на поле политического строительства.

В середине прошлого столетия, во время национальной романтики, этот вопрос решался довольно просто: нация должна была создать свое национальное государство. Исторический опыт показал, что это не так легко, и что идеально чистых национальных государств создать невозможно. Тогда на сцену появляется новый метод решения этого вопроса: государство, т. е. конкретно его господствующая нация, пытается создать по образу и подобию своему нацию и таким образом добиться слияния государства с нацией с целью устранить драматический конфликт между ними.

Этим методом решала, напр., задачу национального государства Венгрия во второй половине прошлого столетия. Имея один из наиболее либеральных законов (1864 года) о свободном развитии немадьярских народов венгерской части покойной габсбургской монархии, Венгрия систематически и по определенной программе культурно денационализировала своих инородцев, насильно делая из них мадьяр. Только тот, кто стал мадьяром, фактически мог пользоваться гражданскими правами в этом государстве; румыны, сербы, словаки и т. д., поскольку противились этому процессу принудительной ассимиляции, — были поставлены вне закона; даже более, — просто не считались людьми.

Не только одни мадьяры таким образом создали свое „национальное“ государство. Прусский гакатизм, царская обрусительная политика, германизационные стремления покойной Австрии — красноречиво доказывают, что этот метод политического строительства был общепризнанным перед мировой войной. Конечно, он оправдывался государствами — ассимиляторами разными более или менее удачными соображениями: культурною или историческою миссией, географическим или экономическим детерминизмом, военною или политическою необходимостью, целесообразностью и т. д.

Этот метод принудительной ассимиляции инородцев государством оказался бесплодным, что блестяще обнаружилось во время мировой войны, когда и наиболее ярые националисты должны были признать его полную несостоятельность.

Немецкий ученый Вальдемар Мичерлих (*Mitscherlich*), автор капитального труда о западно-европейском национализме, в своем очерке „Национальное государство и национальное хозяйство и их будущее“ (*Nationalstaat und Nationalwirtschaft und ihre Zukunft*, 1916) следующим образом и правильно оценивает нецелесообразность принудительной денационализации: „Такие стремления офранцужения, англоизации, италиянизации, коротко, — национализации — достигли результатов вполне противоречащих тому, что было их задачей, они не содействовали углублению национальной замкнутости государств, но породили среди народов отчуждение, никогда до того неведомое, — отчуждение, для устранения которого придется долго работать многим поколениям“.

К сожалению, несмотря на то, что мировая война выдвинула лозунг освобождения угнетенных наций, новые государства, возникшие после 1918 года, и в состав каких вошли довольно значительные инацио-

нальные меньшинства, продолжают, иногда даже более интенсивно, применять принудительную ассимиляционную политику по отношению к своим инородцам.

Некоторые государства пытаются даже создать новые более утонченные методы национальной ассимиляции инородческого населения, как, напр., новая Турция, которая для этой цели применяет своеобразный способ „географического рассеяния“ своих инородцев (армян, греков) из их национальных областей в чисто турецкие провинции; или Венгрия, где изобретается новая теория неонационализма, суть которой, впрочем, совсем не нова и является возвращением к старому довоенному идеалу принудительной мадьяризации всего населения Венгрии в границах до 1914 года. Неонационализм базируется на идее единности и неделимости замкнутых географических областей. Конечно, такую единую неделимую географическую область является не теперешняя Венгрия, созданная Трианонским миром, но Венгрия довоенного времени. Замкнутая эта географическая область в силу исторических традиций, культурного совместного развития и общих экономических интересов, — создала политическую нацию, понятно, мадьярскую. Румыны, словаки, немцы являются органическими элементами этой политической мадьярской нации и, пребывая в пределах этой географической области, — естественно, лишились своих национальных особенностей, потеряв, таким образом, общность со своими соплеменниками в соседних собственных государствах и должны поэтому слиться с индивидуальностью мадьярского народа.

А разве русский либерализм, демократизм и даже социалистические группы, как об этом красноречиво поучает недавняя брошюра маститого лидера грузинского социализма Н. Жордания „Наши разногласия“ (1928), не мечтают о реставрации „замкнутой географической области“, с историческими традициями, культурным общим развитием и совместными экономическими интересами, перед 1914 годом именованной царской империей; правда, эти явно империалистические вождения они стыдливо или фарисейски маскируют фиговым листком федерации, при условии возобновления общей государственной кровли, и чтобы этот вопрос обязательно решался московско или петроградской конституантой, то есть под протекторатом великорусского народа. Это — своеобразная „федерация“ чуть ли не по приказу сверху. Правильно замечает по поводу этого проекта Н. Жордания: „Но ведь образование федеративного государства предполагает существование сторон, желающих федерироваться. Все подобные объединения происходили до сих пор одним способом — независимые государства договаривались и федерировались. Если правящая нация вводит федерацию для своего удобства, то это не федерация, а средство доминанции над другими народами, которое при миновании надобности может быть отменено ею же. Лишь свободные нации представляют собою тот фундамент, на котором можно построить какое-либо солидное международное здание...“*)

Наконец, фашистская Италия, которая после войны захватила несколько сот тысяч славянского и германского населения насильно, — романизирует его, заявляя, что для нее необязательны международные решения об охране инациональных меньшинств. Формально Италия права, ибо мировыми трактатами вменяется в обязанность международная защита национальных меньшинств только новообразованным государствам и к тому же среднего или малого типа. Но своею денационализаторской политикой итальянский фашизм оскверняет священные заветы великих создателей

*) Разбивка наша О. Д.

итальянской независимости, для которых национальная свобода и неприкосновенность были „святою и божественною вещью“. Сегодняшняя Италия забыла недавнюю борьбу итальянских ирриденды против австрийского гнета.

Интересно отметить здесь одно характерное обстоятельство, что, именно, малые или т. наз. неисторические народы, добившись своей независимости, оказались более справедливыми к своим инациональным меньшинствам, чем народы большие, исторические и с государственным традициями. С одной стороны, мы видим безупречное решение национального вопроса в Финляндии, корректное национальное взаимоотношение в Латвии и Эстонии, нормальное и справедливое в Чехословакии, а с другой, — национальный гнет в Венгрии, Турции, Италии и т. д.

В общем, ни война, ни революция не устранили тот антагонизм и конфликт между нацией и государством, о котором упоминалось выше. Повидимому, современная устаревшая форма государства, с его гегемонными и централистическими стремлениями не в состоянии найти настоящего выхода для ликвидации этого трагического противоречия. Одна только Англия делает попытки реконструкции своего государственного механизма применительно к современным формам национального развития, решая эту сложную проблему на первый взгляд парадоксальным способом: добровольно распадаясь на свои составные части и таким образом планомерно превращаясь из английской империи в „Британский Союз народов“.

Правда, имеются великолепные рецепты на прямо таки идеальное решение этого вопроса, с одним только недостатком, что они поучают о том, как можно будет это сделать „послезавтра“, когда форма Соединенных Штатов устранил навсегда трагический конфликт между нацией и государством. Но как быть „завтра“ — этого современная политическая медицина или не знает или не хочет знать. Очень часто радикализмом „послезавтра“ прямо маскируется централизм сегодняшнего дня и нежелание сделать необходимо-возможное, что требуется запросами завтрашнего дня. Прав идеолог паневропейского движения, граф Куденгове—Калерджи, когда называет этих политических радикалов послезавтрашних реформ — самыми опасными врагами общественного прогресса.

Одно можно констатировать, что представители господствующих и угнетенных наций в большинстве случаев относятся к вопросу самоопределения народов с противоположных и часто непримиримых точек зрения. Первые рассматривают национальный вопрос через призму государственного традиционализма и империализма, вторые, — с точки зрения своей политической независимости и собственного государственного бытия, как естественно завершающих их национальное самоопределение и единственно гарантирующих свободное их развитие в будущем*).

На этой почве между господствующими и угнетенными нациями возник психологический конфликт, стихийно разрастающийся, который в настоящее время создал между ними непроходимую пропасть. Угнетенные нации упрекают бывшими их гегемонами в национальном максимализме, в неумеренности их политических требований. Даже русские демократы не могут понять, как некоторые русские окраины в 1905 году ограничивались требованием автономии, а в 1917 году по телеграфу и ультимативно требовали федерацию, а затем все стали яркими сепаратистами. Но психологически это объясняется просто: было потеряно то „стихийное доверие к России“, которое, по словам автора „Судьбы народов России“, сдерживало негодование русских инородцев и окраин, веривших во

время первой русской революции в возможность того, что обновленная Россия ликвидирует царскую „тюрьму народов“. Последующие годы, — война и революция, появившийся за это время воинственный великорусский национализм, — развеяли их доверие, заставили их усумниться в национальной объективности и справедливости не только русского либерализма, но даже и демократии.

История последних лет красноречиво показала, что эти сомнения восточно-европейских народов не были безосновательными, и что вполне был прав известный австрийский марксист др. К. Ренер, предсказывавший во время войны — в своей интересной статье „Проблемы востока“ — будущее поведение великорусского общества по отношению к бывшим русским инородцам:

„Если царь, как абсолютный государь, бил нерусские народы нагайкой, то следует, к сожалению, опасаться, что великорусская буржуазия, в качестве владелицы этого колоссального государства, будет наказывать их скорпионами. Сотни раз мы в Австрии убеждались в том, что всякая добрая воля и дальновидность умных являются бессильными по отношению к экономическим интересам собственничества. Если в жизни народов допустимо заключение по аналогии, а до известной меры это допустимо, то уже сегодня можно предсказать, что великорусская буржуазия будет считать необходимым в национальном отношении, чтобы финны, украинцы, татары и т. д. не стали сильными, не имели полных политических прав и чтобы для этого же самого „национального“ интереса даже русский пролетариат на так долго отказался от своих гражданских прав, пока малые народы не будут обрусены. Эту аргументацию мы до тошноты слышали в Австро-Венгрии из уст немецкой буржуазии, мадьярской шляхты и польских шляхтичей. Поэтому я очень опасаясь, что русская конституция в силу национальных взаимоотношений в России будет создана русской буржуазией только в виде мнимой конституции, так что абсолютизм царской бюрократии вполне сознательно сохранится, как национальное благодеяние и только слегка смягчится за кулисами буржуазного влияния“...

Ренер ошибся в одном: он не предвидел революционного распада России и появления большевистской диктатуры, благодаря чему великорусская буржуазия в эмиграции в мнимом виде очутилась в принудительном изгнании на чужбине, не имея, таким образом, возможности осуществить ту мнимо-конституционную и национально-агрессивную Россию, картину какой так ярко нарисовал австрийский националист. Но, что его прогноз в общем верен, явствует из того, как относится к национальному вопросу на востоке Европы даже не буржуазная, но демократическая и право-социалистическая русская эмиграция, которая устами Сухомлина отрицает за большинством бывших русских окраин право на политическую независимость, считая более целесообразным „федеративный строй, широкое развитие местного самоуправления, культурную автономию народностей“, и все это, конечно, для того, чтобы была сохранена „общая государственная кровля“ над всей территорией бывш. России, кроме Кавказа и западных окраин; а устами меньшевика Абрамовича высказывает довольно оптимистическое предположение, что „национальное самоопределение отнюдь не всегда будет носить характер борьбы за государственную независимость“.

Исторический процесс логически и естественно ведет самоопределение угнетенных наций к полной государственной независимости. Это неизбежный этап на пути к созданию новых форм международных отношений и типов политического объединения высшего порядка, будь ли это федерация, уния, союз или соединенные штаты. Ибо все эти высшие формы, это как раз политическое „после завтра“, а завтра принадлежит реально — национальному этапу государственного конструктивизма.

Все попытки явного и тайного империализма господствующих наций задержать этот стихийный процесс по тем или другим соображениям обречены на неудачу.

Если бы в свое время государственные нации были более дальновидны и не злоупотребляли политическим

*) „Государственное бытие, — правильно по этому поводу замечает покойный шведский социолог Р. Челлен, — является завершением жизненных стремлений наций... В государстве нация находит свое наиболее высокое духовное содержание, какового ей, как таковой, не хватало“... См. интересную его монографию — „Der Staat, als Lebensform“ — „Государство, как форма жизни“ (1916).

централизмом, предоставляя молодым пробуждающимся народам естественные гражданские права, возможно, что этот национальный этап в самоопределении народов был бы излишним и можно было бы прямо перейти в союзную форму междунационального сожительства. К сожалению, разнонациональные государства даже с огромным опытом в национальной политике, как напр., Австро-Венгрия, признала свободу своих народов уже после того, когда Антантой был подписан ей смертный приговор. Временное русское правительство тоже не сумело во-время и правильно решить вопрос взаимоотношения между центром и окраинами, благодаря как раз чему погибла революция и стала возможной победа большевиков. Ибо в политике, как и в жизни, иногда опоздать на минуту хуже, чем сделать что-нибудь часом раньше.

Все господствующие нации хронически запаздывали в своих уступках по отношению к национальным требованиям угнетенных народов: они не давали ничего, когда эти требовали народную школу и гражданские права для родного языка; они предлагали начальную школу и право родного языка для домашнего обихода, когда эти высказывались за местное самоуправление; они согласны были на местное самоуправление, когда те выставляли лозунг автономии; в огне революции они готовы были дать автономии, но те уже стали федералистами и, наконец, сегодня даже господствующие нации стали федералистами, когда угнетенные народы стали непримиримыми „самостийниками“, изверившись вполне в возможность политического сожительства со своими бывшими хозяевами.

Один из итальянских лидеров освободительного движения заявил представителю Австрии в тогда еще австрийской Ломбардии: „Мы не требуем, чтобы вы стали добрыми, мы хотим, чтобы вы совсем ушли отсюда“.

Припомним аналогичную тактику вождей чехословацкого освободительного движения во время войны по отношению к Австро-Венгрии. Они доказывали необходимость ее ликвидации. «*Détruisez l' Autriche-Hongrie!*» (Уничтожьте Австро-Венгрию) — вот их лозунг.

Вся дипломатическая деятельность проф. Масарика — идеологически обоснованная в его докладной записке антантским государственным деятелям (потом опубликованная под назв. „Новая Европа“), велась в этом направлении.

Вот почему чехословацкие национальные и общественные лидеры решительно и непримиримо боролись со всеми попытками основания т. наз. дунайской федерации, небезосновательно опасаясь, что таким образом старая Австро-Венгрия была бы снова возобновлена, хотя и в замаскированном виде.

Приблизительно на такой же точке зрения, в силу исторических обстоятельств, стоят сейчас восточно-европейские народы. Они заявляют, что больше не нуждаются в протекторате России, что они могут существовать вполне самостоятельно, а если экономическая необходимость заставит, то они будут создавать региональные союзы со своими соседями. Во всяком случае они просуществуют не хуже тех новых государств, которые появились после войны в центральной Европе и на периферии бывшей царской империи. Они всегда готовы будут заключить и большие союзные объединения, но по собственному желанию, а отнюдь не по приказанию Москвы. Они не отрицают в

принципе ни федерации, ни соединенных штатов, но думают, что предпосылкой к ним является самостоятельная государственная независимость, ибо только равный с равным может объединиться и федерироваться; психологически трудно верить в возможность федерации между вчерашним хозяином и бывшим рабом.

Я знаю, централисты и империалисты с возмущением будут говорить: но ведь это значит повернуть руло истории вспять; мир идет к объединению, а национальный сепаратизм — это явная атомизация.

Мир действительно объединяется, но это отнюдь не исключает национальной его индивидуализации. Известный итальянский ученый Г. Ферреро, большой защитник общественного унитаризма, в своей последней работе — „Объединение мира“ (*L'Unité du Monde. 1927.*) говорит: „Мир объединяется в известных стремлениях общего и совместного характера, но одновременно он возобновляет требования всех своих местных национальных автономностей и своеобразностей“.*)

И чтобы не было сомнений, что здесь имеется в виду национальный индивидуализм не только больших, но и малых народов или государств, можно процитировать работу французского публициста и экономиста Л. Ромье „Нация и культура“ (*Nation et Civilisation. 1926.*), рассматривающую этот вопрос, главным образом, с экономической точки зрения, где вполне правильно говорится: „Расцвет или пробуждение народов, свидетелем чего мы являемся в Европе, это факт не только вполне законный, но который может стать вполне благотворным. Энергия народов, их таланты и их творческий почин, особенно в области художественной и нравственной, никогда не выигрывали от централизации и еще менее от усиленной унификации. Поэтому хорошо и в высшей степени полезно, что европейский гений возрождается путем соревнования в многочисленных и разных очагах. Даже более: справедливо и даже необходимо, чтобы каждый из этих очагов для сохранения независимости и традиций и для усиления своеобразности, какую он представляет, развился в государство, вполне организованное и автономное.“

Большие государства и малые государства одни и другие необходимы: большие государства для гарантии могущества нашего континента по отношению к другим и для его излучения во-вне; малые государства, — чтобы сохранить оригинальность и разнообразность местных самобытностей. Существование малых государств не несовместимо с улучшением европейской общности. Наоборот: часто именно в малых государствах европейский дух кажется наиболее развитым“...

Государственная независимость, таким образом, не только не противоречит идее самоопределения народов, и особенно малых народов, но, в переживаемую нами историческую эпоху, это — логическое и естественное завершение процесса национальной индивидуализации, в то же время являющегося предпосылкой для осуществления великой, хотя пока еще утопической, идеи Соединенных Штатов европейского материка.

*) Разбивка здесь и дальше моя. О. Д.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

I.

Аграрное законодательство Войска Донского в отношении его внешней формы можно разделить на три резко отличающихся друг от друга периода.

Первый период охватывает эпоху самостоятельного существования Донской Республики, когда в ней го-

сподствовало обычное право и когда вся законодательная власть была сосредоточена в руках Войскового Круга. Он продолжается некоторое время и после потери Донским Войском государственной самостоятельности, после присяги Московскому царю (1671 г.), заканчиваясь в последней четверти XVII века. Неточность

исторического определения начала возникновения Донского Войска не влияет на общую характеристику законодательства целого периода и не препятствует определению его основных черт и существенных особенностей.

Вмешательство Петра I во внутреннюю жизнь донского казачества в начале XVIII века положило начало новому периоду в аграрном законодательстве Войска Донского. Период этот, второй, характеризуется: частью императорскими грамотами и указами общего содержания, которые посылались императорами российскими при вступлении на престол или несколько позже; частью грамотами, написанными в порядке возникновения тех или иных спорных вопросов, связанных с землевладением и землепользованием казачества; частью (в XIX ст.) к этим грамотам присоединяются постановления Правительствующего Сената и Государственного Совета. Период второй продолжается до 1835 года, когда был издан подробный писанный земельный закон Войска Донского, и его можно обозначить как период отдельных государственных актов, права и привилегии Донского Войска определяющих.

Издание земельного закона 1835 года (Положение об управлении Донского Войска. — Т. X. № 8163. П. С. З. Р. И.) начинается третий период в истории аграрного законодательства Войска Донского. С этого времени на Дону существует подробное писаное право, в виде упомянутого закона, дополняемого и изменяемого рядом последующих законов, до Земельного Закона Войскового Круга и Советского Земельного Закона включительно. Охарактеризовать его можно как период подробных писанных земельных законов.

Самостоятельное существование Донской Республики совпало с тяжелой эпохой постоянных войн и непрерывных набегов. Частые военные и морские походы, приготовления к ним и необходимые отдыхи после них, с целью исправления своего флота и пополнения вооружения и снаряжения, поглощали собой почти всю жизненную энергию казачества.

Документы XVII века полны сведений о таких походах и набегах казаков на соседних кочевников — Нагайских татар, калмыков, Азовских турок, Крымского хана и, наоборот, о набегах и войнах этих народов с донскими казаками на территории Дона. Они свидетельствуют также о военных приготовлениях казаков и о мирной их жизни в постоянной боевой готовности, в условиях всегдашнего риска заплатить своей головой за право вольно жить и владеть Донскими степями.

„Пошли мы под город Азов с великия скорби... что из того города Азова... чинилась пакость великая... и крестьянския невинныя крови пролияния и в полон православного крестьянства отцев и матерей и братию нашу и сестер имание... а они азовские люди искони поругались нашей истинной православной крестьянской вере и за море отец и братию и сестер наших продавали на каторги*) и корабли тем руским полоном в турецкую землю грузили и шкоту**) великую чинили, в наших юртах и на реках и на комышах и на переходах нас хватали и за море тож нашу братию на каторги продавали и великия скорби и неволи чинили“. Так описывает тогдашнюю жизнь казачества Донской Атаман Михаил Иванович Татаринов в отписке своей по поводу взятия Азова в 1637 году.

В грамоте от 23 августа 1634 Царь Михаил Феодорович хвалит казаков за дела против Нагайских татар Казьева улуса, кочевавших по р. Ее, за то, что „улус взяли, улусных людей побили без остатка, а ясырь*) молодого взяли 400 человек“. Грамотой от 1640 Михаил Феодорович советует донским казакам: „и вы бшли на Крымские улусы, их воевали и разоряли сколько милосердный Бог помочи подаст“.

1643 г. августа 9, грамота Алексея Михайловича который получил сведения об очередных военных делах казаков: „что вы мая в 31 день ходили в поход для языков... и взяли крымских многих людей а иных многих людей побили“... „что вы ходили в поход на море

и сошлися с боевыми корабли и взяли вы пять кораблей и мужиков многих побили а иных переранили да на тех же кораблях взяли вы тридцать пушек“.

1657 г. грамота Алексея Михайловича — „что в феврале месяце приходили к вам на Дон к Черкасскому городку Крымские мурзы со многими людьми а с ними таманцы и черкасы горские и кабардинцы и Малого Ногаю и Азовцы и вы от них сидели в осаде не малое время“.

1660 г. февраля 11 (грамота царя Алексея Михайловича): казаки „ходили морем на Крымские места на Азовском море на черкасской стороне меж Темрюка и Тамани и многие села и деревни пожгли и разорили, а в Крыму от Кафы и до Балыклей-города посады и деревни выжгли и запустошили и многих крымских людей побили и в полон жон их и детей поимали и наших, царского величества, людей многих полоняников из Крыму вывели и от себя, с Дону отпустили в наши, великого государя, городы“.

1674 г. сентября 6, отписка атамана Корнилия Яковлева по поводу похода под Азов — „многих людей азовских побили и языков поимали и скот отогнали и многих людей христианския веры из неволи выручили“.

Так до бесконечности тянутся сведения о боевой жизни казачества, которая заслуживает собою мирную трудовую жизнь его в этот период, протекавшую в необычной для нас обстановке.

Постоянная угроза набегов и разграблений со стороны кочевников — соседей, а также свои собственные военные походы сухопутные и морские препятствовали культурному использованию казаками той территории, которая им принадлежала.

Казаки селились по долинам рек (Дон, Донец, Хопер, Медведица и др.) в городках, расположенных в местах, имевших прежде всего естественную защиту от врагов. Такими местами были не заливаемые водными водами островки, отделенные весной на долгое время от остального степного пространства; места правого берега р. Дона, при впадении в него притоков, ограниченные с трех сторон водой, представлявшие довольно безопасные места в смысле внезапных нападений соседних кочующих народов. При возникновении городов и избрании местоположения их, вопрос военной безопасности был решающим.

Наибольшая безопасность от внезапных нападений противника была главным условием занятия того или иного участка Донской территории с целью заселения. Этим объясняется скученность городков до конца XVII в. и перемещение станиц в позднейшее время то с правого берега на левый (когда последний стал безопасен от набегов кочевников), то с низменной части берега на нагорный. В этом отношении казаки поселения пережили три периода. — Первый — период скученности станиц, когда весь вопрос был в исключительной зависимости от военной безопасности; во втором периоде (XVII в., середина и конец) избрание местоположения станиц ставилось в зависимость от неудобств, связанных с разливом рек и малым пространством лугов, занятым отдельными группами скученных станиц; в третьем периоде местоположение станиц диктовалось исключительно хозяйственно-экономическими выгодами — станицы или перебирались за Дон (на Кубанскую сторону), или выползали на правый нагорный берег р. Дона с целью более удобного использования заливных лугов ближайших степных пространств и лесов.

Казаць городки обносились плетнями, которые обкладывались колючим терновником, представляя из себя примитивную, но достаточно безопасную по тогдашнему времени крепость. В конце XVII века (1682 г.) донской атаман Фрол Минаев в своей отписке Крымскому хану Мурат-Гирею по поводу его несправедливых притязаний по адресу казаков, между прочим, так описывает тогдашние казаць городки: „и ты хочешь к нам посылать зипунников своих друг за другом беспрестанно и бить велишь на тридцать на два городка и упокою нам не хошь дать ни весной ни летом ни осенью; а сам ты, хан Мурат-Гирей хочешь под городки итти многим собранием по льду зимним путем войною. И наши городки не козисты оплетены плетнями и обвешены тернами и надобно их доставать твердо

*) Суда.

**) Вред, убыток.

***) Пленных.

головами а стаду нас конских и животныхных мало: даром вам в дальний путь забиваться“.

Леса, покрывавшие речные долины способствовали медленному таянию снега весной, чем значительно удлиняли период весенних разливов. Длительное половодье сокращало вегетационный период и препятствовало использованию под посевы хлебных злаков пространств, примыкающих к городкам. Уходить в степи далеко от городков в одиночку, с целью сельскохозяйственных работ (хлебопашества), нельзя было из-за опасности неожиданных нападений. Попасть в полон или быть убитым было так легко, что одиночным людям отрываться от городка и работать в открытой степи было невозможно. Кроме того и самый урожай подвергался опасности уничтожения во время набегов, а иногда был целью набегов, как это было, напр., в конце XVII в. (в 1694 г.). Из распросов 32 пленников видно, что часть разбитого казаками отряда кочевников (калмыки, татары, азовцы) в 400 человек имела своей задачей напасть на окраины Московского царства „на хлебные житва“ (грамота 15 августа 1694 г. от Великих Царей Иоанна и Петра Алексеевичей). А в 1737 году, т. е. в сравнительно безопасное уже время, „кубанские татары в многолюдстве пришед внезапно к Дону 30 июля переправились между Цымлянкой и Кумшацкой станицами и тамошние станицы сильно атаковали. Кумшацкую через жестокие приступы взяли и выжгли а людей всех в плен забрали а иных побили и в других станицах многое разорение приключило“... „в плен побрано и скота отогнано и поселения и хлеба пожжено“.

Поэтому донские казаки того периода занимались такими сельскохозяйственными промыслами, которые были меньше всего сопряжены с тяжелыми по своим последствиям набегами соседей.

Главными занятиями казаков были — рыбная ловля, скотоводство, коневодство, охота, пчеловодство (не считая войн), о чем имеются и сведения в царских грамотах, посылавшихся на Дон в связи с нападениями на казачьи городки.

Хлебопашество на Дону, в условиях постоянных набегов со стороны соседей — кочевников и частых военных походов самих казаков, не могло существовать в этом периоде. С. Г. Сватиков в своем труде „Россия и Дон“ приводит показание тамбовских жителей, из которого видно, что до 1685 года казаки на Дону хлебопашеством не занимались „напред сего по реке Хопру и по реке Медведице отнюдь пашню не пахивали и никакого хлеба не севали, а вываживали хлеб из русских городов и кормились зверми и рыбою, а ныне де в тех (казачьих) городках они (казаки) завели пашню; и слыша то, что они казаки пашню пашут и хлеб сеют, дворцовые и помещицковы, и вотчинниковы и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопы к ним, казакам, бегают“ (стр. 26). А в 1689 году атаман Фрол Минаев писал: „беглые... приходят к нам на Дон и на Хопер и на Медведицу непрестанно... и завели было всякую пашню и они (казаки) увидав то... послали по всем городам войсковой свой приговор, чтобы никто и нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать и тогда бить до смерти и грабить, и кто за такое ослушание кого убьет, и ограбит, и на того суда не давать, а кто хочет пахать и те б шли в прежние свои места, кто где жил“ (стр. 99). Этот запретительный закон Войскового Круга был издан под давлением Москвы. Известно, что перед изданием закона атаман Фролов Минаев был в Москве с зимовой страницей, а по возвращении на Дон проехал на Войсковом Кругу закон. Вскоре после издания этого закона на Дон была прислана грамота из Москвы, запрашивавшая о законе, запрещающем хлебопашество на Дону. Это дает основание предполагать, что закон был нужен больше Московскому государю, чем Донскому Войску, и что причина его издания была политического характера — как один из способов борьбы с укравшимися в верхних станицах старообрядцами, для которых хлебопашество было главным источником существования. В грамотах о набегах и разграблениях казачьих городков всегда упоминаются разграбленные или уничтоженные предметы — скот отогнали, табун лошадей увели,

животы побрали, людей в полон увели, сено сожгли. В XVIII веке среди предметов разграбления упоминается и хлеб — хлеб сожгли.

При таких условиях жизни на Дону, не могла возникнуть необходимость в подробном урегулировании прав землепользования. Скотоводство, охота, рыбная ловля и выдирание ульев по лесам не требовали от Войскового Круга сложного законодательства. В это время мог только возникнуть вопрос о распределении пастбищ для рогатого скота и лошадей и разграничении районов для охоты и рыбной ловли между отдельными городками. Этот вопрос, в виду обширной территории, занятой сравнительно небольшим количеством казачества, легко мог быть решен Войсковым Кругом в несложной устной форме обычного права. Юрты городков отстояли друг от друга на таком расстоянии, что б. ч. не соприкасались своими границами (это дало возможность впоследствии старшине войсковой захватить для пастбищ и пашни земли между юртами в свое единоличное пользование).

Тогдашнюю жизнь донского казачества, в смысле пользования своей территорией, можно сравнить с кочевой жизнью киргиз Тургайских степей и Туркестана, где пастбища распределены между отдельными родами на участки.

В этот период Войско Донское имело обычное право. В писаном праве, подробно определяющем отношения казаков к своей земле и угодьям, надобности не было. Все условия тогдашней жизни не требовали этого. Казаки точно и определенно знали, что земля принадлежит всему Войску Донскому, и каждый имеет право пользоваться ею по мере своих сил и возможностей. Хозяином земли было Войско в лице Войскового Круга, оберегавшего целостность и неприкосновенность ее, как внутри самого Войска, так и от соседних государств.

„Войсковой Круг решал все дела, касавшиеся Донской Республики... прием в казаки, увольнение из казачества. Круг разрешал станицам заем новых юртов на территории Войска и основание новых городков; он же выдавал соответствующие грамоты и решал земельные вопросы“ (С. Г. Сватиков. „Россия и Дон стр. 36-37). „Решения Круга не требовали нечего утверждения, на них не было никакой апелляции. Круг выражал волю Войска... Подобно Войску, в каждой станице все дела решает станичный круг или сбор. Он судит по всем делам, кроме важнейших уголовных преступлений и преступлений против Войска... И в местных общинах и в Войске все дела решаются общим собранием граждан“ (С. Г. Сватиков „Россия и Дон“ стр. 40).

Этот патриархальный примитивный быт Войска Донского вытекал из условий тогдашней жизни казачества. Главным занятием Войска было военное дело (не даром казачья община носила наименование „войско“), в то время как остальной, гражданский быт его был к нему лишь дополнением второстепенной важности, и поэтому нормы этого быта были несложные, укладывавшиеся в формы обычного права. Этой простоте и несложности права содействовали также и естественные условия — реки, изобилующие рыбой и речными зверями (бобр, выдра, выхололь), огромные пространства степей с дикими животными, долины рек и балки, покрытые лесом, дававшие легкую возможность ловли пушных зверей, добывания меда из диких ульев и собирания ягод и фруктов. Естественных запасов природы хватало на всех, и не вызывало надобности в сложном урегулировании вопросов пользования готовыми дарами природы.

Московские государи и после 1671 г. признавали права Донского Войска на независимую, самостоятельную жизнь и в своих грамотах давали обещания не нарушать своеобразно сложившегося, отличного от Московской Руси быта Донских казаков.

Невозможность, или весьма ограниченная возможность хлебопашества на Дону в этот период ставила Донское Войско в серьезную зависимость от иностранного хлебного рынка, каковым в то время было Московское государство. Рыба и икра, рогатый скот, лошади, овцы, свои и отбитые у кочевников соседей, имущество, отбитое в боях и далеких заморских походах

(дуван), пушнина, шкуры лосевые, сайгачьи, бычьи, воск, заграничные товары из южных портов — все это было предметом вывоза из Земли Войска Донского в Московскую Русь. Хлеб и другие съестные продукты, матерьялы для одежды, рыболовные принадлежности, смола, доски, пиво — были предметами вывоза из Московского государства на Дон. Поэтому таможенная война на границе Московского государства и Земли Войска Донского была тогда чувствительна для Войска.

Грамотой от 1615 г. царь Михаил Феодорович разрешил казакам беспопынную свободную торговлю с южными городами.

Из грамоты царя Михаила Феодоровича от 22 октября 1625 года видно, что Московское государство нередко прибегало к таможенным репрессиям по адресу Дона, которые для казачества были тяжелы.

Территория Войска Донского к концу XVII века имела следующие приблизительные границы. Войско занимало бассейны р. Дона (исключая верховья), Дона с его притоками, Медведицы, Хопра и Бузулука. На севере граница проходит по линии Воронеж—Валуйки; на западе границей является р. Калмиус; восточная граница неопределенно теряется в степях, прилегающих к правому берегу р. Волги; южная граница была к югу за рекой Доном, где кочевали Нагайские татары до 1784 года. (С. Г. Сватиков „Россия и Дон“ стр. 16-19).

Что касается вопроса о праве Войска Донского на

свою территорию, то здесь много права, чем права первого захватившего, не может быть. Дикое Поле занято было казаками самостоятельно без чьей бы то ни было помощи и содействия. С. Г. Сватиков в своем труде „Россия и Дон“, рассматривая этот вопрос, определенно говорит о праве первого захватившего (*Jur primaе occupationis*) и отвергает легенду о дарственной грамоте царя Иоанна Грозного. Трудно допустить, чтобы Иоанн Грозный даровал землю, ему не принадлежащую и расположенную далеко за пределами его царства; в противном случае этот акт был бы лишен всякого обоснования и смысла.

К XVIII в. Донское Войско, в смысле аграрного законодательства и политики подошло в следующем состоянии. Оно имело свою землю и угодья, которыми распоряжалось по своему усмотрению. Весь распорядок внутренней сельско-хозяйственной жизни — распределение угодий и земель, вопросы внутренней колонизации, рыбная ловля, звериный промысел, пользование лесами — принадлежал самому Войску и был самостоятельным и независимым от Московского государства. Последнее грамотами своих царей подтверждало независимое и самостоятельное существование Донского Войска. В отношении внешней торговли, предметами которой большею частью были сельско-хозяйственные продукты, Войско Донское имело договор с Московским государством о свободном и беспопынном вывозе и вывозе, в форме царской грамоты, взамен определенных услуг Войска Московскому государству.

В. Глазков.

Казачья молодежь.

После оккупации Казачьих Краев красной Москвой, казачья молодежь приняла на себя свою долю общей чашы страданий и лишений, которую несут все казаки. Молодежь вместе с взрослыми испытала эвакуацию и начало эмигрантских дней. Ряд государств и благотворительных учреждений помогли стать на ноги учебным заведениям, выехавшим с Юга, а также начали открывать новые, чтобы дать возможность эмигрантской молодежи учиться. Тогда казачья молодежь большой волной хлынула из воинских частей и беженских колоний в школы, с целью вооружиться знаниями для того, чтобы в будущем отдать их на пользу и благо Родных Краев.

Не будем останавливаться на постановке учебного дела — оно во многих школах на должной высоте, — а коснемся здесь лишь вопроса о чрезмерном вмешательстве воспитателей в духовное развитие казачат. Большинство казачат попало в школы бывш. царских российских деятелей, которые стремились и стремятся сделать из своих воспитанников последователей своих политических воззрений.

Казачья молодежь, может быть, больше инстинктивно, но сразу же стала давать отпор этим стремлениям. Молодежь старших классов в большинстве еще недавно состояла в казачьих воинских частях, была живым свидетелем всего происходившего в Родных Краях: свежо помнила, как гордо развивались над Атаманскими дворцами и над полками казачьими казачьи национальные флаги — знамена свободы и независимости Казачества; переживала огромное напряжение в борьбе с врагом, посягавшим на уничтожение вновь возродившейся седой старины; поэтому вполне понятно, что когда эта молодежь попала в учебные заведения, особенно в казачьи (Донской кад. корпус), то старалась всячески не утратить из памяти историю недавнего прошлого своего народа и сохранить свое лицо.

Молодежь старших классов вносит в среду казачат тот уклад, который существовал в далеких станицах; учащиеся образуют свой сбор, называемый большей частью Кругом, выбирают из своей среды атамана, создают свою станицу или хутор и, таким образом, хотя бы в миниатюре, имеют всегда перед собой образ

своей Родины. Часто молодежь собирает в своей среде последние гроши, но обязательно приобретает такие характерные атрибуты своей организации, как пернач и бунчук.

Сидя на эмигрантской школьной скамье, казачата неизменно (как это было и там, раньше) слышат восторженные дифирамбы официальной русской истории царям и императорам и бичевание казаков. История эта считает казаков ворами, разбойниками, мятежниками, изменниками — и только. Но чистое молодое сердце казачье не верит этим ложным наветам гнилой русской верхушки, оно чувствует ложь, неправду и хочет смахнуть ее с истории казачества, хочет найти подлинную свою историю, которая далеко запрятана теми, кому она не нравится. Молодые казаки чувствуют, что много дум может она пробудить в молодых головах. заставит крепко задуматься о судьбе своего народа. Вспоминает казаченок песни, какие пелись в станицах, полках; видит, что там иное, там люди вольные, дарившие Москве земли, бывшие Наполеона, сражавшиеся на всех концах света, в Европе и Азии... — успокаивают песни казаченка. Но с другой стороны в душу его проникают „опричники“, „кровопийцы“, „нагаешники“ — слова, слышанные из уст русского мужика. Вот она „благодарность“ русского народа казаку, что он был верным хранителем границ, неизменным пушечным мясом во всех войнах! А история? — История ни строчки, кроме вора, разбойника и т. д.

Молодежь ищет свою историю, — чувствует, что нужно изучить свою историю. Это брожение оказалось не только у молодежи, но и вообще среди казачества.

Никогда среди казачества поиски и изучение своей истории не возбуждали такого большого и серьезного внимания, как в последнее время. В небольших, но богатых исторических материалах казак вопрошает свое прошлое, которое ему минувшее объясняет и намекает о его будущем.

Эта волна докатилась и до молодежи. Жадно она стала набрасываться на исторические изыскания и исследования по казачьему вопросу. Мы видели, когда на „Донскую Летопись“ устанавливалась очередь, когда до-

ставший эту книгу читал в кругу нескольких десятков своих сверстников, внимательно прислушивавшихся к каждому слову, написанному там.

Этот интерес молодежи к своему прошлому стал с самого своего начала преследоваться учебным „начальством“.

Станицы, образованные казачатами, в глазах русских воспитателей — большевистские организации; многие песни казачьи — разбойничьи, вредные и „политические“, а в то же время и те же люди поощряют распевать неказакам „неполитические“ песни, как напр., „Мы былого не забудем, царь нам был кумир, без него мы не сумеем дать России мир“, или же усердно поставляют ученикам „Возрождение“, „Русь“, „Новое Время“, вестники монархич. организаций, что не считается ими „политической заразой“ для воспитанников, а воспитанием их в национальном духе. Чтение же трудов по казачьему вопросу (в духе „нежелательного для русского национализма“), казачьих журналов — считалось и считается „полигической заразой“. Все казачье, что является вредным в глазах русских воспитателей, все искоренялось и искореняется самыми решительными мерами. Вот два характерных примера из Донского кадетского корпуса. Там запрещают служить панихиды по А. М. Каледину и носить национальные казачьи костюмы.

Упорное же отстаивание молодежью своих взглядов, равно и нежелание открыто подвергаться нападкам — заставило ее пойти на путь конспирации, уйти в подполье, где под различными названиями (станция, хутор, курень, кош и т. д.) образовываются дружные товарищества. Руководители учебных заведений думали, что с окончанием школы первыми приемами воспитанников старших классов, „брожение“ прекратится, но напрасно: оно приняло еще больший размер.

Во многих учебных станицах появились рукописные и даже литографированные журналы; казачата, чуждые нападкам на воспитателей за их усердное искоренение казачьей самостоятельности, ставят лишь вопросы, которые начали волновать всех их.

Берем один из таких журналов „Казак“ и читаем следующие строки от редакции: ... „Мы растем и крепнем телом, но духом все дальше и дальше стараются отвести нас от той жизни, тех начал быта и нрава,

которые царили в окружавшей нас среде свободолюбивого казачества. Нет здесь у нас путеводителей, которые постарались бы привить нам идеи веками сложившихся казачьих традиций, — так постраемся же сами приложить все усилия, чтобы воспитать в себе дух Вольного Казачества“.

В своих журналах казачья молодежь воспевает своими молодыми устами степь широкую, вольную, лихие подвиги предков, геройскую борьбу казачества за свою Свободу, славных атаманов из далекой и недавно возродившейся старины. Казачата призывают заботиться о себе, о своем очаге — „Казачи должны на первый план ставить свои казачьи интересы“ („Казачья Вольность“).

Связь учащихся с окончившими не прекратилась. Тогда воспитатели стали прибегать к системе „черного кабинета“ — вся корреспонденция, даже воспитанников старших классов, вскрывается и, если обнаружится что либо „запрещенное“, то оно не передается адресату.

Молодежь настойчиво заявляет, что в казачестве есть национальная жизнь, что оно призвано сказать миру и свое слово, и свою мысль. Она не стыдится за прошлое казачества и не боится за его будущее. Это не „молодое вино, налитое в старую дырявую посуду“, а старое вино, налитое в новые сосуды.

У молодежи — практическая работа играет важную роль; ее подход к задачам казачьей работы отличается очень большою зрелостью и пониманием. Пусть, по мнению некоторых, ее общественная роль — грош, но, по крайней мере, это — реальный грош, а не мечтание о „гроше“.

Молодые казаки полны веры в правоту своего дела, верят, что любовь к свободе, к воле широких степей, наконец, восторжествует. „Призываем работать с полной верой, что все наши начинания, наше, так сказать, молодое движение, имеющее под собой старые корни, все наши надежды осуществятся“... — читаем в одном из юношеских журналов.

Казачья молодежь не дает воспитывать себя в духе „служилого казачества“ (служить и выслуживаться), а, самовоспитавшаяся и закалившаяся в лишениях и страданиях, будет бороться за лучшее будущее Вольного Казачества.

*****

С. Ф. Лантух.

Чешская Маффия.

(Из истории чехословацкого освобождения 1914—1918 гг.)

(Окончание)*.

Маффия работала дома всеми средствами для дела освобождения, в согласии с руководителями заграничной акции, а когда нельзя было иметь с ними связи, то, по крайней мере, в духе заграничного водительства. Она поддерживала связь с народом, питала идею сопротивления в моменты, когда народ отчаивался уже в успехе, подрывала веру в австрийскую силу; старалась, чтобы, претерпевший от австрийских преследований и военных невзгод, чешский народ был охранен от дальнейших неблагоприятных последствий войны и политических погромов.

Маффия в решительный момент приобрела решающее слово в ведении политики чешского народа, хотя и не имела ни писаных инструкций, ни правил или постановлений, ни ручательств за будущее.

Значение ее создали выдающиеся борцы за свободу, дома и за границей.

Они подбирались из тех, которые искали путей к достижению блага своего народа, размышляли над тем, как предохранить свой народ от несчастий и страданий и как сделать так, чтобы в будущем чешский народ как можно больше приобрел в результате войны.

План деятельности этой группы сотрудников Масарика состоял в том, чтобы:

- 1) быть постоянно в связи с народом;
- 2) собирать дома сведения о политической, экономической и военной обстановке и переправлять их за границу;
- 3) вести пропаганду освобождения;
- 4) подыскивать союзников внутри Австро-Венгрии, выполнять распоряжения заграницы;
- 5) подготавливать все к моменту установления нового государственного порядка.

Австрийские правительственные органы чувствовали, что что-то делается, что-то существует — деятельность этого кого-то ясно была видна за границей. Но австрийцы, не понимавшие чешской жизни, недооценивали ведущейся работы и не знали о том, что среди большинства чехов пали партийные раздоры и настало время „единого стада и единого пастыря“. О деятельности главной организации внутреннего „одбоя“ они не имели и представления. Нельзя было открыть, кто и каким образом ведет работу, несмотря на то, что она велась широко и что по иным причинам много членов Маффии было арестовано.

*) См. №№ 1, 2, 3 и 5 журнала.

Программа работы Маффии была чрезвычайно обширна и, в зависимости от того, как в течение войны изменялась политическая и военная обстановка, менялись и методы и условия работы Маффии, но всегда, при всех обстоятельствах, и с новыми людьми работа велась в том самом духе и направлении, как было установлено сначала.

Связь с границей была затруднительна и не всегда можно было дома иметь указания и инструкции из-за границы; в такой обстановке руководством и евангелием были дух и сердце, а инструкцией — степень находчивости, отваги, преданности и решительности каждого отдельного человека.

Маффия поддерживала непрерывные сношения с лицами, находившимися на разных фронтах, в канцеляриях, военных фабриках и заводах — устно и письменно.

Использовывали и другие средства — персонал консульский и посольский нейтральных государств, путешественников, возвращающихся пленных и т. п.

Благодаря этому, имелась возможность делать сводки, контролировать сведения и иметь подлинные, надежные информации в областях политической, экономической и военной.

Несколько профессоров чешского политехникума систематически мобилизовали огромную сеть сотрудников в главнейших военных фабриках и заводах. Маффия помогало много неизвестных, скромных и нетребовательных чешских ученых и, таким образом, ей были известны состав немецких удушливых газов, новинки и открытия в деле военной техники и самый секрет немецкого чуда — „толстой Берты“, обстреливавшей издалека Париж.

Благодаря этому, союзники могли быть своевременно информированы и, таким образом, было в самом начале сломлено германское наступление на Сомме.

Добытая информации широко использовались и журналистами, работавшими в более значительных пражских газетах, как и в изданиях нелегальных.

С половины 1917 г. печатная агитация стала вестись широко.

Агитационные статьи посылались и в некоторые хорватские и немецкие газеты.

Маффия, как сообщество, не замыкалась в себе, не имела характера замкнутой группы заговорщиков, но расширяла и устанавливала связи с выдающимися чешскими деятелями, не обращая внимания на их партийную принадлежность, работая так, чтобы в нужный момент стал наготове целый народ, а не группа лиц, не связанных с народом.

Только благодаря действительной связи Маффии с вождями партий и депутатами, она могла оказывать большое влияние на внутреннюю домашнюю политику и парализовать действия сторонников Австрии.

Одной из больших заслуг Маффии была львиная доля участия в основании и деятельности „хозяйственного“ чешского предприятия времен войны „Чешского Сердца“.

Цель этой организации была оборона против экономического ограбления чешской земли. Она сохранила от голодной смерти и страданий много и много людей, главным образом жен и детей заключенных и интернированных чешских патриотов.

Важной задачей Маффии была вообще материальная помощь страдавшим, в особенности друзьям Маффии. Она вела перечень лиц и семейств, очутившихся в беде, заботилась о них и доставляла им все, что могла и что было нужно — от адвоката и ходатая по судебным делам до денежной помощи.

В Маффии, в согласии с другими политическими вождями велась подготовка к будущему существованию чехословацкого самостоятельного государства.

Членов Маффии и заграничных вождей близко интересовали и судьбы других славян. Они не раз предпринимали шаги в их пользу и установили самое тесное сотрудничество с поляками и, в особенности, с югославянами.

Заграничная работа была чрезвычайно ответственна и тяжела. Приходилось с трудом пробивать дорогу чешской идее и обрабатывать общественное мнение союзников, склонных сильно считаться с Австрией.

Одной из главных целей заграничной работы было создание своей армии. Этой мыслью Масарик был занят с самого начала войны.

„Только когда будем иметь на фронте свой корпус, когда по свету пойдут о нашей армии ежедневные сообщения, тогда только все пойдет лучше и вернее“.

„Все зависит от военной победы и от нашего участия на фронтах“, — говорил он, целиком соглашаясь с положением французского генерального штаба, что: „Кто хочет иметь самостоятельность, должен ее оплачивать кровью, как все остальные“...

Осуществление военного плана стоило колоссальных усилий. Они были преодолены. Чехословацкие легионы были созданы.

Начинали все дело в тяжелых условиях, с трудом его вели и с трудом добивались успехов. Сколько раз даже и у самых упорных работников, а не только энтузиастов, поднимался вопрос — не остановить ли работу, но вера в правоту чешского дела победила.

Благоприятствовало этому объединение чехов вокруг избранной в Париже Чехословацкой Народной Рады, председателем которой стал Масарик. Авторитет ее был общепризнанным не только за границей, но и дома, в Чехии.

Такое единодушие и привело к тому, что Народная Рада превратилась сначала в революционное чешское правительство, а потом и в фактическое, за которое оно было признано и союзниками осенью 1917 г.

Это признание было первой крупной дипломатической победой.

14-го октября 1918 г. парижская Народная Рада была признана Временным Чехословацким Правительством.

Другим важнейшим достижением было создание самостоятельной чешской армии, своею кровью добывшей свободу Чехословакии.

Все эти успехи были обязаны исключительно тесному сотрудничеству ответственных народных деятелей — депутатов парламента, политиков, писателей и журналистов, в обработке мнения которых львиную долю успеха следует отнести к заслугам Маффии.

Ее вдохновитель, Масарик, непрестанно указывая, что дело спасения чешского народа всецело лежит в руках домашних политиков, решительно требовал у парламентариев:

1. Никогда не голосовать за австрийское правительство.
2. Не идти к присяге Австрии.
3. Вести хотя бы пассивную оппозицию.
4. Не компрометировать заграничной работы.
5. Решительно требовать осуществления государственной самостоятельности.

В июле 1918 г. решение пражских парламентариев и политиков о восстановлении независимости Чешского королевства было уже непреклонным.

Логическим завершением всех этих решающих событий дома и за границей было провозглашение 28-го окт. 1918 г. самостоятельности Чехословацкой республики.

В дни 25-28 окт. Народный Комитет в Праге стал фактическим правительством Чехии.

Маффиянцы Рашин, Крамарж, Сокуп, их сотрудник Швегла занимают ответственные посты.

Заграничные сотрудники Маффии, три года назад еще неизвестные эмигранты, возвратились домой, в свободную и независимую республику, героями дня.

Работа Маффии была увенчана достижением поставленной цели, а ее идейный руководитель, фактический вождь и организатор проф. Т. Г. Масарик стал главой государства.

С возвращением его в Королевский Замок Праги закончилась и заграничная акция.

Впереди была вторая часть работы — созидательная, очень беспокоившая президента.

„Выбрались мы на верх“, — нередко говорил он

своим сотрудникам и солдатам. — „Всегда легче вы-браться на верх, нежели там удержаться“.

Но десять лет самостоятельного существования Ч. С. Р. под его мудрым водительством показали, что чешский народ и его вожди сумели не только удержаться, но и возвеличить и укрепить свою державу.

М. Фролов.

О двух „решениях“ казачьего вопроса.

1.

Взять да обернуть Расею в казачество, —
Это-ль не вещь первейшего казачества?!

Вот уже несколько месяцев, как „Рабоче-крестьянско-казачья оппозиция — „русские фашисты“, обосновавшиеся в Китае, пропихивают — „транзитом через СССР“ — свою литературу з европейскую казачью эмиграцию.

В первых ее брошюрках лозунг оппозиции „Россия для русских“ смело можно заменить приснопамятным „Бей жидов, спасай Россию!“, — настолько они насыщены самой откровенной погромщиной.

Последние брошюрки — „Краткая программа“ и „Фашистская Россия“ — тоже достаточно малограмотны и вполне хаотичны: весь сей „фашизм“ — смесь пугачевского „казакованья“ с примитивным рабоче-крестьянским евразийством под жиденьким „культурным“ демократическим „студнем“.

Само собой разумеется, что, как и полагается порядочным дальневосточникам, масштабы у оппозиции тихоокеанские.

Обе брошюрки для нас, казаков, любопытны умоисступленным поклонением казачеству, без которого, как оказывается, эта самая „Россия для русских“ просто неммыслима.

Немыслима и невозможна по двум причинам: во-первых, оппозиция считает, что только казачество может покончить с коммунистической властью, и, во-вторых, что „фашистская“ идея „России для русских“ реально уже дана в казачестве и, так сказать, „по детонации“ великорусский рабоче-крестьянский центр организуется „на казачий манер“.

Весьма простая карта и еще более несложная статистика исчерпывающе иллюстрируют эти мысли оппозиции.

Ни карте вся территория теперешнего СССР разбита на две немного неодинаковые части: от Днестра до Тихого океана раскинулось „казачье государственное образование“, и скромно жмет к Белому морю „государственное образование великоросов“ — „Россия для русских“.

„Казачье объединение, — декларирует оппозиция, — должно охватить: всю Великую Сибирь от Урала до Владивостока, Оренбургскую и Уральскую области, весь Туркестан, Астраханскую, Донскую, Кубанскую и Терскую области, весь Кавказ и всю Украину“... Только и всего!

Все это крошечное „Казачье Государственное Обединение по подсчету оппозиции, — будет состоять из 91.500.000 чел., т. е. на 34.000.000 больше, чем в центральной России“.

Для всяких грамотеев, привыкших к обоснованиям, оппозиция дает пояснения, как получился этот почти стомилионный „казачий“ сплав.

Украина, по мнению оппозиции, всегда ощущала свое казачье происхождение, „казачество Украины, упорядоченное царским правительством, фашисты восстанавливают полностью со всеми историческими его вольностями“ (Рада, выборный Гетман).

„Кавказцы по своим природным жизненным укладам и по внешнему виду являются казаками непроходимых Кавказских гор, а потому их вполне никак нельзя сделать великороссами и крестьянами, их можно сделать только казаками Кавказа“.

Такая же участь постигает и Великую Сибирь от Урала до Владивостока. По праву историческому (Ермак) и так как „по земельным и другим природным условиям Сибирь ничем не отличается от казачьих областей... она полностью должна принадлежать казачеству, а ее население переименовывается в казачество“...

О самом старовековом, исконном казачестве и степных народах, конечно, и говорить нечего: они — скрепа, цемент этой казачьей республиканской империи.

Для чего же все-таки оппозиции понадобилось гордиться этот двухматериковый сверхказачий огород? Где же эта „Россия для русских“?

„Охватив всю окраину России, от Японского моря, весь Юг до Балтийского моря, казачье государственное образование является защитной стеной России и в будущем для России будет полная гарантия от вторжения неприятеля“...

Кроме того, казачество дает России предметный урок государственного строительства. Подражая казачьему народоправству (на Украине — Рада и выборный Гетман, у Казачества — Круги и выборные Атаманы), великоруссы откажутся от социалистических и монархических царей и „будут требовать республики“.

Венцом этого духовного оказачения России явятся, конечно, Соединенные Штаты, в которых всем будет житья вольготно и весело.

„Подробные законы об управлении и другие будут разработаны и изданы дополнительно“, — обещает оппозиция.

Конечно, дальневосточникам — рабочим, крестьянам и казакам — лучше, чем нам, должны быть известны настроения Великой Сибири: дай Бог, если она хочет оказачиться!

Но совершенно напрасно оппозиция думает, что „кавказцы“ ради своего „внешнего вида“ рвутся стать казаками: грузины и горцы предпочитают проповедуемому оппозицией казачьему морю свои независимые Грузию и федерацию горцев Кавказа, дружественные Вольному Казачеству.

Не хочет и Украина возвращаться к Сечи: лучше республика европейского типа, республика, которая приветствует дружбу с Вольным Казачеством.

Что же касается „государственного образования великоросов“, то пусть образуется оно, как хочет: лучше не „оборачивать“ его — на свою шею — в казачество.

Татарско-русскому „общему“ аршину надо научиться предпочитать европейский метр.

И лучше всего, если оппозиция бросит свою планетарность, а займется близкими ей Сибирью и Дальним Востоком.

И хорошо будет, если оппозиция очистит свою литературу от провокационных наветов и заведомой лжи.

Иначе, сам собой встает вопрос: где центр этой оппозиции, — в красной Москве или в доме умалишенных?

II.

Оберну-ка казачество в *лучшую*
Расею!

Ей-ей, самостийность мигом рас-
сею!

Сказано — сделано. Тяп-ляп. Получился не кораб, а даже статья: „Казачи — лучшие русские люди“. Упокоился этот философический трактат, конечно, не на страницах русской печати (какая уважающая себя русская газета на признаёт этого суждения „ахинея“?), а в „Пути Казачества“ (№ 23).

Легче было средневековому схоласту диалектику доказать, что на острие иголки может поместиться тринадцать чертей, чем автору — М. Горчукову — этой статье подыскать удовлетворительные примеры в пользу своего утверждения.

Жестокая вещь — история, и слишком упрямы исторические факты.

И давняя история, и недавних дней, и настоящее „доказывают“ тезу автора несколько своеобразно.

Так, Петр I-й (говорят, не плохой был человек) настолько был уверен в этой истине — „казачи — лучшие русские люди“, — что выжег три четверти Дона, истребил до 10.000 казаков, а „замаринованные“ головы казачьих атаманов в качестве презента пожертвовал Кругу

Павел I-й тоже был последователем мысли о русской „лучшести“ казаков и представил им честь отобрания Индии у англичан; опять „превосходная степень“ обошлась Дону в тысячи жертв.

Царские вельможи, кормившиеся на Дону в звании наказных атаманов, тоже были поклонниками „лучших русских людей“: считали, что образование для казачьих детей — излишняя роскошь.

Как много страниц беспристрастной истории С. Сватикова, которую „Путь Казачества“ справедливо назвал „казачьей библией“, посвящено угнетению Дона Россией!

А не социалист-ли и демократ, главноверх и премьер-министр А. Керенский первый бросил в разнузданную русскую солдатчину призыв травить А. М. Каледина?

И не русские-ли большевики, купно с Брусиловым и большинством генерального штаба, розоряли и истребляли Казачество в 1918—1920 годах?

А что делается теперь? Прав С. Сватиков, сказавший на заседании памяти Каледина: — „Московские Ваньки давно навалились на Дон. В настоящее время эти Ваньки действуют на Дону под личиной комиссаров...“*)

Стоит-ли продолжать неисчислимые примеры „в пользу“ недоказуемой тезы М. Горчукова?

Вся эта попытка сделать казаков „аристократами русского духа“ просто беспочвенна: никогда казачество не будет стремиться занять место русского белого и красного дворянства, как бы „демократы“ стилия М. Горчукова их к этому ни призывали.

Что же касается простых русских людей, то свой восторг перед удачным решением казачьего вопроса они могут выразить в благодарственных письмах.

Адрес автора:

Стаицы Кочетовской
(по-русски: Петушиной или Петуховской)
донскому казаку,
лучшему русаку,
и Миرونу, и Горчукову —
в Тшебову.

*) Цитирую по „Возрождению“ — № 987. — „Собрание казаков в Париже“ (12-го с. февраля).

Казачья эмиграция.

Думы и мысли.

Из откликов читателей.

Именно — короткие, лишенные подчас последовательности, логики...

Так — как приходят они на ум казаку... Думать надо... Думать о себе надо, станичники!..

Прошла пора надеяться на чью-то милость... Да и достойно ли это казака?.. Пора за ум свой и знамя свое крепко взяться. За синее знамя: ни за красное и ни за белое...

„За Казачество свое да за Вольное“!..

Оружие наше пока — слово: душевное, родное, понятное... Патроны: наши мысли, опыт и знания за долгое время приобретенные...

Общие мысли, общие думы — словом высказанные — а там и... общее дело казачье...

Пока:

ПЕРЕКЛИЧКА.

„Привет тебе мой Терек бурный,
Терек пышный, мой родной“...

— Индейцев вождь я братцы! —

— А я — рабочий:

Днем и ночью

Скалы, уголь бью...

— А я, брат, экономию держу.

— В войсках всех мира я служу —

Легионер...

— У Чанг-Тзо-Лина не в пример

Я отличен

За храбрость

И в чин произведен...

— А я торговец —

В пыли, грязи базара:

Хотя не жид,

Зато казак

Хитрей пожалуй что и жиды...

— Студент.

— Чиновник.

— Инженер.

— Певец.

— Борец.

— Я литератор.

— А я уж доктор.

На все способным создан быть казак —

Да только жить между чужих нам суждено, —

Уж так судьбой знать то дано...

Казак! Ты должен помнить — ты казак!

Эй! Дайте нам сойтись!..

Да думу общую подумать —

Надумать:

С своим конем,

Ружьем

Добыть себе кусок землицы

У чьей-нибудь,

Хотя чужой границы.

У черта самого хотя-бы...

Что — не сможем?!

Эй! Сторонись!..

Да с силой дай собраться!..

А там —

Поберегись!..

Петр Терский.

13/1—1928.

Казачий хор имени Атамана Платова в Румынии.

(От собственного корреспондента).

Казачий хор под управлением Н. Кострокова пользуется в Румынии необычайным успехом.

До Бухареста хор имел четыре концерта 9, 10, 11 и 12 февраля в городах Орадео-Маре и Клуше.

Огромные массы народа до того заполнили все подступы к театру, что были вызваны усиленные наряды полиции и пожарные.

13 февраля казаки приехали в Бухарест, где поют по три раза в день. 18 февраля — последний большой концерт в Бухаресте и хор проследует дальше.

Казачья песня гремит по свету!

К.

Казаки в Холливуде.

Думаю, что братьям-казакам будет небезынтересно ознакомиться с сообщением о казаках в кинематографическом царстве — Холливуде. Это письмо помещено в одной сербской газете, очень расположенной к казачеству.

„Из нашей державы (Югославии) выехало сто казаков в Калифорнию, чтобы принять участие в фильме „Казаки“. Этот интересный фильм снимается под руководством известного режиссера Джорджа Хила. Первоначально он думал прибегнуть к помощи обыкновенных актеров, создать „фантастических“ казаков, но, в конце концов, ему удалось принять сто настоящих казаков, из числа нашедших себе убежище после революции в Югославии.

Казаки уже живут в Холливуде и участвуют в с'емках. Американцы чрезвычайно хорошо относятся к казакам. Прежде всего они видят в казаках — храбрых, геройски дравшихся в великую войну на всех фронтах. Ознакомились и с эмигрантскими мытарствами казаков, побывавших в Азии и Европе, прежде чем попасть под жгучее калифорнийское солнце.

Казаки с удовольствием вспоминают об Югославии, близкой им по духу, ставшей для них второй родиной. Исполнитель главной роли в фильме Джордж Цилберт, познакомившись с казаками при с'емках, удивляется их удали и находчивости.

— Казаки, — говорит он, — с которыми мне раньше не приходилось встречаться, — прекрасный народ. Это — лучшие и добрейшие люди, каких я когда-либо видел. Столетия выработывался в них тот воинский дух, который является подлинным непревосходимым даром. Только человек, не знающий казаков, думает, что они грубы. Особенно увлекательны казаки в своем весельи: танцы, музыка, скачки — для них та же игра, спорт, как для нас теннис и футбол. Их народные песни и рассказы неподражаемы.

Не менее расположен к казакам и режиссер Джордж Хил.

— Хотя мне, — говорит он, — и приходится объясняться через переводчика, я совершенно удовлетворен достигнутым. Казаки — удивительный народ. Вот, напр., Алексей Ключ (?): ранен 11 раз и надеется еще побывать в боях. Он с женой эмигрировал через Турцию, где у них родился сын. Юре сейчас 6 лет, он бегло говорит по-английски, но больше всего малыш гордится тем, что он — казак. Иван Копил, раненый 7 раз, побывал в Китае, откуда уже попал в Сербию. Много и других храбрецов: Андрей и Василий Стадники, Михаил Сокол, Газие-Бег-Сохов, Иван Штиклецкий, Георгий Даско, Миша Избенко, Гавриил Солодухин, Федор Ершов, Владимир Тарчин и др.

Для фильма создана настоящая казачья обстановка. Построена казачья станица (по проекту б. русск. архитектора А. Тобулова) с церковью, правлением и куренями...

... И хотя наряду с Д. Цилбертом в фильме участвуют такие звезды экрана, как Рене Адоре, Эрнест Торанс, Паул Хорст и Мери Элбен, те, кто смотрели заснимку фильма, свидетельствуют, что лучшие сцены — те, в которых выступают казаки...

Мы, казаки всех казачьих Войск, желаем полного успеха нашим братьям, а сербам за добрую память о них — наше казачье „спасибо“!

Казак Г. Алферов.

Орловат-Югославия.

Брно. Чехословакия.

(От нашего корреспондента).

18-го февраля по приглашению русского демократического студенческого союза председатель О.К.С.Х.С. Харламов В. А. сделал доклад в помещении студенческого общежития на тему: „Казачьи идеалы русской государственности“.

Доклад был начат напоминанием о героях казачьей общественно-политической мысли, погибших в февральский период 1917 года и кратким изложением событий в эту эпоху. Содержание доклада не заключало в себе ничего нового и интересного.

Конечно-же идеалом казачества по В. А. Харламову является „Российская федеративная демократическая Республика“. Интересно отметить лишь, что и докладчик подтвердил, тот факт, что для всех без исключения русских политических группировок вопрос о казачестве рассматривается в форме иронически-нисходительного отношения.

Как и следовало ожидать мишенью для обстрела докладчик избрал самостоятельное казачье движение и журнал „Вольное Казачество“. Фигурировали различные словечки из худосочного словаря „Пути Казачества“, вроде — „доморощенные историки“, „крючкотворство“ и т. д. — и никакой критики по существу.

Закончил доклад свой В. А. Харламов предположением, что новые самостоятельные течения суть проявления проклятого „русского“ интеллигентского максимализма. Если упомянуть пару лирических отступлений докладчика в область детских воспоминаний — то в сжатом виде содержание доклада будет исчерпано.

Выступление В. А. Харламова прошло при многолюдной и явно-враждебной аудитории. По докладу было подано немало записок и — ни одной благожелательного содержания. В Брно докладчик окончательно растерял своих сторонников.

Прений по докладу, к сожалению, не было согласно порядку устройств докладчика — и возражения присутствующих отчасти выражались в подаваемых записках — вопросах.

Вопросы касались прошлого и текущих моментов жизни казачества. Присутствовавших казаков очень задело заявление В. А. Харламова по поводу одной из записок, что — он не отказывается и работает с Атаманам (?), но „плясать под Атаманскую дудку“ не считает себя обязанным.

Ответы на вопросы давались расплывчатые и многословные, и собрание затянулось с 7 часов вечера до 10 с лишним.

19-го февраля в ресторане В. А. Харламов согласился беседовать с казачьим студенчеством. Присутствовало мало, около 15-ти человек.

Под перекрестным огнем возражений В. А. Харламов отсекся от Милокова, заявив — „ради Бога не вешайте мне его на шею. Что вы мне им все время в глаза тычете“.

На вопрос, почему в последнем номере „Пути Казачества“ Донской Атаман А. Богаевский именуется „бывшим Атаманом“, Харламов заявил, что это — недосмотр, а не злой умысел. Пообещал также на исторические изыскания И. Ф. Быкадорова дать строго — историческую критику. Будем ждать.

Были обвинения „Вольного Казачества“, что оно идет с врагами России, на что присутствовавший, один из несамостоятельных, напомнил о сотрудничестве с немцами в эпоху начала большевизма войны; тогда такой союз В. А. Харламовым одобрялся.

Напомним Харламову, что мы сейчас ищем союзников казачьему делу, а не России. Россия пусть сама ищет себе союзников.

Впечатление о поездке в Брно В. Харламов охарактеризовал так: „Вероятно, больше я сюда не приеду“...

Е. Г.

С. К. О. В. У. Э.

Год тому назад организационное собрание казаков, окончивших и оканчивающих высшие учебные заведения в Ч. С. Р., избрало исполнительные органы и тем закончило подготовительный период своей организации.

Устав Союза был утвержден чешским правительством осенью 1926 г.

Основание этого Союза, независимого от такой же российской организации, диктовалось, как самими условиями казачьей академической жизни, так и мотивами политического характера.

Казачье студенчество всегда организовывалось самостоятельно, вне общероссийских организаций, в которых оно почти никогда не встречало должного понимания и надлежащего отношения к казачеству. Это было в свое время, одной из причин, напр., возникновения Общеказачьей студенческой станицы в Ч. С. Р. Естественно, что по мере оканчивания казаками-студентами ВУЗ'ов явилась необходимость в создании организации, которая посвятила бы себя целиком многообразным нуждам молодых докторов и инженеров (гл. обр. устройство на места).

Подобная российская организация — ОРОВУЗ — не соответствовала демократическому духу и национальной терпимости казачества. Там были сильные течения монархического толка и российские великодержавные тенденции, не дававшие и мысли о возможном сотрудничестве с иными национальными организациями.

Казакам же надо было считаться с сильным украинским движением в среде кубанского студенчества и стремиться к объединению в Союзе всех национальных и политических группировок по казачье-территориальному признаку.

Эти соображения послужили основой, на которой был создан устав Союза.

Согласно § 1 устава, Союз является неполитической организацией в Ч. С. Р. Сношения в нем ведутся на чешском, русском и украинском языках.

В соответствии с этим текст устава и печати Союза установлен на этих трех языках.

Союз является юридическим лицом в Ч. С. Р. Членами его могут быть все казаки-эмигранты, имеющие диплом об окончании высшего учебного заведения в Ч. С. Р. или окончивающие таковые.

Союз имеет право: устраивать курсы и лекции; издавать периодические и непериодические издания; обновлять для своих членов предприятия взаимопомощи и бюро труда; устраивать театральные представления, концерты, балы, вечера, входить в сношения с правительственными и общественными организациями, добывать паспорта и визы; приобретать движимое и недвижимое имущество, вести промышленные и финансовые операции — все это для поддержки своих членов.

Органами управления Союза являются: Общее Собрание, Правление и Ревизионная Комиссия.

В настоящее время Правление составлено из следующих лиц: Д-р В. Д. Белый, инж. П. И. Кодачов, инж. И. Р. Кохановский, инж. В. Е. Кулик и инж. Б. В. Фесенко.

Союз имеет право основывать отделения во всех местах Ч. С. Р.

Широкие задачи Союза и определенно занятая им демократическая платформа сразу же вызвали борьбу против Союза со стороны противников казачьего единства; тем не менее, Союз объединяет большое число окончивших казаков и успешно развивает свою деятельность.

Казаки в Румынии.

(От нашего корреспондента)

...Казаки здесь живут неважно: большая нищета, как материальная, так и духовная.

В Бухаресте находится около 75 человек, из них третья часть — старики от пятидесяти и выше лет. Старики живут очень бедно. Более или менее прилично устроились те, кто помоложе — работают на нефтяных промыслах.

Собраться вместе казаки не имеют времени да и нельзя здесь это делать нашему брату, а потому, кто нибудь из стариков, кто посвободнее, попавшие ему случайно газеты или журналы ходит читать по квартирам казаков. Большое оживление в казачью жизнь внес приезд казачьего хора имени Атамана Платова. Казаки встретили его очень сердечно и радостно.

Ч.

Чествование памяти павших казачьих вождей в Париже.

В воскресенье 12 февраля с. г., в день десятой годовщины смерти Донского Атамана А. М. Каледина, состоялось чествование памяти вождей казачества, павших в борьбе с большевиками.

После панихиды Донской Атаман открыл собрание. На собрании присутствовали: Донской Атаман ген. А. П. Богаевский, председатель Донского правительства Н. М. Мельников, товарищ председ. Донского В. Круга А. И. Бояринов, тов. председ. Верховного Круга И. Ф. Быкадоров и ряд казачьих деятелей эпохи А. М. Каледина и позднейшей. Из русских представителей были: П. Б. Струве, Мельгунов, ген. Кутепов, ген. Баратов и др..

Донской Атаман в своем слове обрисовал службу казачества в прошлом, понесенные им тяготы и жертвы. Председ. Донского правительства Н. М. Мельников в живой, красочной речи обрисовал казачество, его особенности, его идеологическое, психологическое и моральное содержание. Речь эта еще не поставила точку над и, но в свое время, верим, будет поставлена эта точка.

Кубанец Скобцов, представит. „Пути Казачества“, память погибших и оценку казачества построил на обвинении кубанских самостийников, на вбивании клина между черноморцами и линейцами. Скобцов, в чем то оправдываясь перед присутствовавшими представителями русской эмиграции, расписывался за Казачество, что оно и впредь будет служить России.

Представитель Терек отметил тяжелые потери, понесенные казачеством в борьбе с большевиками.

Уралец г. Васянов нарисовал картину героической борьбы с большевиками и тяжелый поход после поражения уральцев по безводным степям, в зимнюю стужу, к берегам Каспия.

Ген. И. Г. Акулинин, представитель Оренбургского Войска, всесторонне осветил борьбу Оренбургского Войска с большевиками, закончив словами: „Оренбургское Войско свой долг перед Россией выполнило“.

Проф. С. Г. Сватиков, поделившись воспоминаниями о встречах с Атаманом А. М. Калединым, ген. Л. Г. Корниловым (казак-сибирцем), обрисовал особенности казачества, подчеркнул духовные признаки его, как особого от русского (великорусского) народа, призывал к мирному сожительству в будущем, когда русский народ, освободившийся от царского рабства, но попавший в комиссарское, освободится и от этого рабства, и станет свободным*).

Маг. А. П. Марков, представ. Общеказ. С. Х. Союза, горячо призывал к активной борьбе с большевиками, указывал, что он, принадлежа политически к левым русским партиям, несогласен с отрицанием ими активной борьбы против большевиков. Далее, доказывал, что каждый истинный демократ не может не бороться с большевиками, о способах и методах борьбы он не счел возможным останавливаться.

Магистр Марков вышел из рамок партдисциплины! Из русских представителей, когда уже многие из участников чествования ушли, говорил полк. Карамышев, едко подчеркивая отказ казачества от поддержки вооруженной силой Атамана Каледина, напоминал о присутствии в то время в Новочеркасске до 3 тыс. офицеров (казаков), которые могли бы составить вооруженную силу.

*) Появление самостийного движения в Казачестве, проф. Сватиков объясняет разочарованием казачества в русском народе.

Интересно, что огрица за казачеством его особенности, полк. Карамышев, как часто вообще русские деятели, к казачеству предъявляют повышенные требования. Полк. Карамышев отлично знает, что в России было значительно более 3-х тысяч офицеров, которые не пошли с гг. Карамышевыми, а пошли на службу к большевикам бить Карамышевых.

— Казачество во время А. М. Каледина не имело идей для борьбы. Спасение русской государственности, которой русский (великорусский) народ не хотел и было трагедией и вождей и самого Казачества. И.

Памяти павших героев.

Белград. С.—Н.—С. В память безвременно погибших Атаманов и казаков во время войны с большевиками состоялось торжественное собрание под председательством Атамана Кубанского Войска ген. Науменко. Вечером был устроен банкет.

Берлин. Германия. В воскресенье, 12 февраля н. ст., в Берлине была отслужена панихида по Атамане А. М. Каледина и всем казакам погибшим во время большевизской войны. На панихиде пел хор Уральских казаков.

Брно. Чехословакия. 12-го февраля с. г. правлением Брненского хутора О. К. С. С. была отслужена панихида по павшим в войне с большевиками Атаманам и казакам.

Прага—Чехословакия.

— По инициативе Пражского отдела Казачьего Союза 11 февраля с. г. в Праге, в соборе св. Николая, была отслужена панихида по казачьим вождям и казакам, павшим в борьбе с большевиками.

В этот день, день десятой годовщины смерти А. М. Каледина, собор был наполнен молящимися казаками, объединившимися на время панихиды в общей горячей молитве о тех, кто отдал жизнь за свободу своих Краев.

Медвежья услуга.

Генерал И. Ф. Быкадоров просит нас самым категорическим образом заявить, что приписанного ему войсковым старшиною Ф. Е. Рудаковым письма, напечатанного в „Української Ниви“, в номере 14 (95) от 6—11—1928, в статье под заглавием „Історичні документи“, он, ген. Быкадоров, никому не писал, как и вообще никого, а значит и войск. ст. Рудакова, на подобные выступления не уполномочивал.

Аналогичное заявление послано ген. Быкадоровым и непосредственно в редакцию „Української Ниви“.

В Р.С.Ф.С.Р.

— В связи с провалившейся хлебозаготовительной кампанией ушел в отставку комиссар земледелия Смирнов. На его место назначен председатель союза кооперативов Кубяк.

— Немецкие газеты сообщают, что в Москве наступил недостаток товаров и продовольствия. Власть „принимает меры“. Масло, мыло, чай, макаронны и яйца можно получить в кооперативах в ограниченном количестве. Не члены кооперативов могут получить только половинную долю того, что получают члены. Мануфактура же, одежда, рис и картофельная мука выдаются исключительно членам кооперативов.

В Москве растут хвосты. Похоже на 1917 год.

— Не совсем благополучно и с червонцем. Доллар, например, 1 февраля стоил в Москве 3 р. 2 к. (вместо 1 р. 94 к.). Проектируется запретить ввоз червонца из заграницы в С. С. Р.

— В Москве стал вопрос о реформе монополии внешторга. Решение откладывается будто бы до окончания парламентских выборов во Франции и Германии, а может быть и Англии. — На что надеются?

— Троцкий будто бы зондирует почву в „кремле“ о возможности своего возвращения из „ссылки“. — Милые братанья — только тешатся.

В Казачьих Землях.

Кто правит сейчас Доном и Кубанью.

Пленум Донкома ВКП(б). „Состоялся первый пленум Донкома ВКП(б). избранного на XIII партконференции Донского округа.“

Пленум избрал бюро Донкома ВКП(б) в следующем составе: Леонов, Бальян, Черномордик, Соколов, Ударов, Новиков, Ян, Спириин, Воронежский, Шаблиевский, Парре, Подарин, Михеев, Рудь, Куликов; кандидатами в члены бюро т. т. Лопухов, Власова, Чертин, Мельников, Фаткин, Рыжков, Зимин.

Секретарем единогласно избран т. Леонов, зав. отделом т. Бальян, Завагитпропом т. Черномордик и зав. отд. по работе в деревне тов. Михеев и зав. отд. работниц и крестьянок тов. Власова“.

ДКК ВКП(б): председатель т. Хасман, зам. его т. Нюрин, секретарь тов. Волков.

Состав нового Кубанского окружного к-та ВКП(б). Сконструировался вновь избранный окружком ВКП(б). Число членов — 7. Только секретарь — человек без определенных правительственных функций вкрае, остальные шесть, все сановники — а именно: 1) председатель окружного исполнительного комитета, 2) редактор „Кр. Зн.“, 3) председатель профессиональных союзов, 4) зав. распределением ОК, 5) секретарь город-

ского районного к-та, 6) начальник кубанского отделения ГПУ (Чека). Другими словами — члены окружного комитета партии являются начальниками всех главных краевых учреждений.

По хлебозаготовкам.

В хлебозаготовочной работе продолжает наблюдаться ряд недочетов, отражающихся на проведении заготовительной кампании.

Крайисполком еще раз предписал всем окружным и областным исполкомам, руководителям государств. заготовительных организаций принять самые решительные меры к устранению всех недочетов в работе по заготовкам вплоть до снятия с должностей и привлечение к судебной ответственности.

По сведениям, полученным с мест, видно, что за первую январю выполнено только 18¹/₂% январьского плана; Кубанский округ выполнил 13⁰/₁₀₀, а В-Донской всего лишь 4⁰/₁₀₀ задания советов.

„Председатель Мечетинского потребит. об-ства распродал все промышленные товары, погом приступил к продаже вновь полученных товаров, исключительно предназначенных для хлебозаготовок, после этого уже было приступлено к сбору хлеба, которого собрано лишь несколько десятков пудов“. (Модот 1941).

Во многих местах было празднование старого Рождества и Нового года, что также повлияло на заготовки. „Председатель Егорлыцкого стан. совета, получив директиву о хлебозаготовках, объявил всем отдых на 4 дня по случаю прихода старого Рождества“ (Молот 1941), за что был снят с работы, подобно — предс. советов ст. Старо-Щербинской, Глафиrowsкой (Куб. окр.).

За падение темпа заготовок объявлен строгий выговор С. Х. т-вам ст. Раздольной, Славянской, Старо-Джерелиевской и аула Понежукай.

Из края продолжают поступать сообщения о взятках, наложенных на тех работников хлебозаготовительного аппарата, советских и других организаций, которые своим нарушением данных им директив свыше мешают хлебозаготовкам.

Управляющему Терским отделением краевого союза потребительных обществ Томашевскому поставлено на вид, что он не ответил на срочный запрос Краевого исполнительного комитета. Объявлен выговор таганрогскому окружному отделу торговли и центральному рабочему кооперативу, допустившим ажиотаж на рынке. За непредставление сводок о судебных делах, связанных с хлебозаготовками, получили выговор участковые судьи Донского округа: (Хабахбашев (8 участок), Фирсов (14), Пальчиков (15), Торьянский (16), Давыдов (18)). За халатное отношение к заготовкам объявлен выговор мальчевско-полненскому, вешенскому, верхне-донскому районным комитетам ВКП(б), Донецкого округа, минераловскому районному исполкому, Терского округа, нескольким работникам Староминского района, Донского округа (заведующ. земельным управлением, председателю объединения колхоза и др.), заведующим ссылками на Кубани, двенадцати председателям и 4 счетоводам потребительных обществ в Осетии.

За бездеятельность и халатность сняты с работы: секретарь верхнедонского районного комитета ВКП(б), Донецкого окружного комитета ВКП(б) заведующий общим отделом, задержавший рассылку срочных указаний. Сняты с работы и преданы суду председатели станичных советов ст. Ханской, Кужорской, Махашевской (Майкоп. округа). В Кубанск. округе предан суду Евтушенко за отказ в работе по заготовкам... В Ейском районе привлечены к уголовной ответственности 25 чел. и к дисциплинарной — 2, к этому и председатель воронцовского совета. В ст. Крымской арестовано 3 члена правления с. х. об-ства; снят с работы, арестован и предан партийной ответственности председ. молдаванского совета Болдыш. (Молот 1947).

Кубанская Ассоциация Пролетарских Писателей (КАПП).

По тем коротким сведениям, которые проскальзывают в печати трудно судить, как развивается литературное творчество в наших Землях. Одно можно сказать, что на свет Божий выходит только „казенная“ литература, „пролетарская“, литература сжатая тисками цензуры советских оккупантов Казачьих Земель.

И по тем коротким данным, которые имеются — видно, что литература не в фаворе. К литературным ассоциациям предъявляются высокие требования, литературные ассоциации должны вести пропаганду и рекламировать „блага“ советского строя, при чем в далеко не благоприятной обстановке, среди покоренного населения.

Но и за эту каторжную работу пролетарские писатели не встречают к себе особого внимания.

... „Были случаи, когда КАППу не находилось помещения, где бы он мог провести свое собрание“... ощущается большой недостаток в книгах для КАППа, клубные организации неправильно истолковывают его функции...

Капповцы видят, что уже само существование КАППа есть вклад в дело укрепления советской общности, а потому и требуют к себе большего внимания.

Трудно судить по официальным данным представляет ли КАПП ценность только для серенького интер-

национала Сов. власти или в его недрах кроются и казачьи силы, которые, со временем, сбросив с себя тиски оккупантов внесут ценный вклад в казачью литературу.

Мы приводим здесь образчик литературного творчества Капповцев помещенный в литературной страничке КАППа. (Красное Знамя № 289).

Станица.

(Поэма).

Как тут сердцу
Радостно не биться.
Как тут песню эту
Не сложить.
Ведь от старого
Бежит станица.
По иному
Она стала жить...
Ну, скажите мне.
Ну, разве снилось.
За какойнибудь
Десяток лет.
Посмотрите
Как переменялась.
И станицы прежней
Уже нет.

Хатенки, * * *
Ну, где вам
Забуть те прошлые года.
Когда Кубань
Бурлила гневом
И розовела в ней
Вода.
Когда в ожесточенной
бойне

Брат брату
Голову рубил.
И хлеб в полях
Топтали кони,
Ревели вдовы
У могил...

Кладбище. * * *
Могилы.
Кресты.
— Левее, левее... Прямо.
Кладбище. Деревья.
Кусты.

— Стой! Вот и
Яма...
Привели...
Сорок их привели.
— Становись
Без оговорок!
Слушай команду:
— Пли!..
... Расстреляли.
Их
Сорок...

* * *
Расстреливали.
Били.
И пороли...
Дышали дни
Кровавою бедой.
Станица корчилась

От ужасов.
От боли.
У белых
Под пятой...
* * *

Как поезд
Прошлые умчались дни.
И нет теперь
Тем дням
Возврата.
И ярче светятся
Твои огни
Ты радостью
Теперь богата.
Зажиты раны
На лице твоём
И сердце больше уж
Не ноет.
Изда - читальня.
Клуб.
Народный дом
И трактор теперь
Землю роет...
* * *

Тебе тоска сегодня
Незнакома.
В тебе советская
Клокочет новь.
У только выстроенного
Исполкома
Великий митинг
Море слов...
У всех сегодня
Радостные лица
И торжествуют все
Не зря.
Сегодня празднует
Моя станица
Десятилетье
Октября.
Десять лет...
Сегодня ровно
Десять...
Мы с каждым годом
Все сильней...
Знамен полотна...
Море слов
И света...
И я стою здесь,
Голову подняв...
Станица, милая
Не сон ли это?..
Нет, нет, не сон.
А это —
Явь!..

Мих. Сигма.

„Знамен полотна, море слов“ — вот те достижения к которым привели „станицу“ большевики. От этого поэт приходит в восторг, отмечает эти достижения в своем произведении два раза...

Со стороны же посмотреть — это суровый приговор над авторами „достижений“.

Из писем с Дона.

... Зима нынешний год очень холодная, заносная, так что никто не помнит такой зимы. Снег выпал сильной бурей на Михайлов день 8-21 ноября на совершенно талую землю. В округе померзло много народу.

... Материал у нас за пшеничку, а пшенички у нас нет — потому что сеять ее нельзя много. Нет пшенички, нет и материала и одежда никудашня...

... Того уж нет, что бывало раньше. Каждый и радуется и горюет в одиночку. О помощи друг другу и говорить не приходится. Услуга за монету. Хотя это быть может зависит от того, что у каждого недостаток, даже почему то замечается апатия к труду...

...„Новостой масса, а писать нечего. Но в этом нет ничего удивительного — я уже сообщал вам, почему нельзя подробно все описывать и что-причиной является Вы уже знаете...

Да, дорогой; если бы судьба допустила меня увидеться с тобою, было бы что рассказать... Как утопающий в море, рвется к берегу, так и моя душа стремится видеть вас, но ряд обстоятельств не позволяет. Сидя в болоте — орлом не полетишь...

Вашему знакомому было письмо из заграницы. Для получения вышеупомянутого письма прислана была посылка, но получить он не решился...

А пока от всей души желаю Вам счастья и успеха и достижения цели, ради которой вы предпринимаете.

Ваши мысли и здесь находят отклик“...

Из письма с Кубани.

... „Вы спрашивали: имеет ли право голоса мой сын и полноправный ли он гражданин? Конечно же нет. Ни он, ни я не имеем права голоса, и какое же у него полноправие, если он до сих пор на учете (бывший человек — прапорщик военнопленный) и не имеет права выезда с места.

Выброшен с места тоже как бывший и не может рассчитывать на службу. Тут уж никакая энергия не поможет.

Пока были там у власти люди, которые его ценили по уму и работоспособности, то и кормился, а как тех выкинули, то и его тоже.

Пристроился было летом куда то в частную артель на 10 руб. в месяц (он прошел землемерные курсы), да и те 15 руб. дали, а потом стали задерживать а под конец и совсем сказались неплательщиками.

Так, перепадает кой где поденщина, а когда от дома немножко — и сидим на постном. Бедняжка так рад был, в прошлом году перед праздниками заработал на переписи всеобщей и имел возможность к празднику кусок мяса приобрести.

Положение то подлое — в своем доме и не хозяева — не возвратили... подворье приходит в ветхость, надо поддерживать, а то отберут, как бесхозяйственное, и ничем; надо в нем жить лично, а то тоже отберут, как бесхозяйственное. Квартиранты были грошовые — за комнату рубль в месяц платили, больше портили чем дохода давали, приличный попался так „алименты“ завелись — писать не буду... да и тот чуть дом не спалил, крыша сгорела; хорошо, что днем, потушили... Не одна беда, так другая“...

Налоговая недоимочность.

3,621,677 руб. — вот та задолженность, которую имел Донской округ на 1 декабря по промысловому и подоходному налогам, уравнительному сбору, в общем по всем видам налогов за исключением селыго-хозяйственного.

В течение последнего года задолженность по этим налогам выросла в среднем по округу на 98% при чем интересно отметить, что задолженность частного по одному уравнительному сбору за год увеличилась на 82%, хозяйственных и кооперативных учреждений более чем на 300%.

В течение декабря удалось несколько снизить общую задолженность (3,121,677 руб.), однако и эта сумма настолько велика, что сейчас перед советами встает вопрос о необходимости проведения самых решительных мер по ликвидации задолженности по всем видам налогов.

Надо отметить, что борьбу с недоимочностью по отношению к частникам приходится проводить в особенно трудных условиях. Частник идет на целый ряд комбинаций для того, чтобы спасти себя от уплаты числящихся за ним налоговых недоимок.

Налоговая недоимочность по распоряжению Донисполкома должна быть ликвидирована к 1 февралю. Никаких послаблений в этой области он не допускает.

Подобно обстоит дело и с обязательн. окладным страхованием.

Неплатеж усматривают советы в недостаточном нажиме на плательщика. „Согласно распоряжению центра местные советы обязываются в 3-х днев. срок составить списки неплательщиков, а в 7 дневный срок уже назначить торги на имущество неплательщиков“.

В прошлом году сельсоветам было поставлено на вид ослабление работы по взысканию налогов, а ряд председ. советов — смещен. К этой мере решено прибегнуть и теперь.

За бездеятельность, проявленную в борьбе с недоимочностью, снят с работы руководитель Донского Госстраха Ревунов.

Сейчас краев. контора Госстраха выделяет ряд ответственных работников и командует их на места для усиления кампании по взиманию платежей.

Задолженность ссуды достигает также огромных размеров, так Донской округ имеет задолженности 600,000 руб. Предложено закрыть кредит до ликвидации задолженности.

В области семен. ссуды задолженность поступила лишь в количестве 41%.

Борьба с просрочками ссуд ведется еще с прошлого года, но данные свидетельствуют о том, что реальных результатов еще не достигнуто. Несмотря на директивн. указания Крайисполкома взимание проходит чрезвычайно слабо, а мест. организации смотрят на это сквозь пальцы (Правда, Известия 3247, Молот 1937, 1939, 1940).

Самогоноварение.

Статистические данные о самогоноварении дают возможность судить, как широко развит этот „промысел“ на Северном Кавказе.

Эти цифры говорят, что Донской округ занимает последнее место по самогоноварению; по сведениям, здесь было обнаружено 86 случаев продажи самогона, оштрафовано 120 шинкарей, отобрано много аппаратов. Самое большое распространение самогон получил на Кубани.

Сейчас самогоноварению объявлена война. К ответственности будут привлекаться все те, у кого будет обнаружен самогон, хотя бы и без цели сбыта.

Объявлен 3-х дневный срок добровольной сдачи самогона и самогонных аппаратов. После означенного срока лица, у которых будет обнаружен самогон, будут штрафовать, или посылаться на принудительные работы.

Начальник милиции Р. С. Ф. С. Р. Киселев отдал распоряжение, где обращает внимание милиции Сев. Кав. на зажиточную часть населения, которая особенно занимается самогоноварением. (Молот 1941).

„Сталиноградский рабочий“ сообщает сведения о конфискации сотни самогонных аппаратов и тысяч литров самогона во II Донском округе.

Гибель ценных пород леса.

Сочинское лесничество занимает до 36 тыс. гектаров леса. Лесопользователи, за редким исключением, преступно относятся к лесу: За истекший год было 210 случаев самовольной вырубке леса. Громадный вред приносят лесу и чабаны; они самовольно производят пастьбу баранты, где попало, что грозит гибелью ценных пород леса.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“.

Аргентина. — Буэнос-Айрес. — А. Г. — Письмо Ваше получено. Б-в просит писать на адрес журнала „Вольное Казачество“. Интересующее Вас сообщение будет выслано в ближайшее время. Привет вашей „Заокеанской“ группе.

Польша. — Угово — Е. — Исполнено. Надеемся на Ваше сотрудничество в журнале.

Польша. — Пинск. — Е. К. — Благодарим за установление связи и за те справки, которые Вы можете нам дать.

Польша. — Конты. — Подх. М. Ф. Л. — Благодарим Вас за сердечные пожелания. Будем вместе работать на счастье Казачества. Вашей группе шлем низкий казачий поклон.

Польша. — Глушин. — К. К. — Получено. В журналы сообщено.

Польша. — Калиш. — В. С. — Прохання Ваше виконане. Наше привітання Вашій Станиці.

Румыния. — Бухарест. — П. П. — Привет Вам и казакам в Румынии. Б-в в ближайшее время установит с Вами связь.

Соед. Шт. Сев. Америки. — Филадельфия. — С. М. — Редакция будет Вам весьма признательна, если Вы

пришлете что-либо для помещения в журнале. Литературная Казачья Семья шлет Вам свой искренний привет.

Франция. — Шалон. — Все одержано. Дякуємо.

Франция. — Париж. — Генералу Калинин. — Вольное Казачество шлет Вам свой сердечный привет и желает полных успехов в нашем общем казачьем деле.

Югославия. — Далмация. — В. Кур-ну. — Письмо получили. Журнал высылаем. Подписную плату уплатите, как пишете. „Казачья песня“ принята. Пишите еще.

Югославия. — Уздин. — Ф. Я. — Очень рады, что казаки живо интересуются журналом, особенно исторической частью. Благодарим за добрые пожелания. Приват Вам и Вашей группе.

Югославия. — Кочане. — И. З. М. — Рады, что „пробудили и в Вашей группе казачье чувство и любовь к нашему родному и далеко оставшемуся позади Святому Краю. Материалы об убийстве Рябовола тайной русской организацией и о повешении Кулабухова по приказу штаба Добрармии своевременно поместим на страницах журнала. Наш Вам поклон.

Из числа писем полученных редакцией помещаем одно, характерное для целого ряда:

„Прочитав выпущенные Вами три номера журнала „Вольное Казачество“, мы увидели, что путь, Вами избранный — верный. Я помню, когда еще под Царицыным стояли, так казаки говорили: „Очистим Кубань, Дон, станем на границе, окопаемся, дальше не пойдем и война кончена“. Да, действительно, если-бы так случилось, так может быть мы не были-бы за границей.

Нас в комнате семь человек и все казаки. Работаем на железном заводе. Все с большим удовольствием читали Ваш журнал... Я первый с удовольствием запишусь членом. Я думаю, что найдутся и кроме меня.

Остаюсь Ваш союзник по мысли.

Розыски.

Лиц знающих о местожительстве или судьбе полковника 18 Георгиевского Донского Казачьего полка Н. Ханжонкова (уроженец ст. Новониколаевской), а также полковника Ив. Козлова просят сообщить по адресу:

К. Николаеву. Русская гимназия, Шумен, **Bulgaria**.

Николая Трубникова, бывш. кадета Донского корпуса, Василия Фролова, уехавшего из Чехословакии во Францию и Семена Персидского, казака В. Д. ст. Цымылянской прошу откликнуться по адресу:

А. Персидскому. **Cihlařská č. 21. Brno. Tchecoslovaquie.**

Генерала Сыся Капитоновича Бородина, или лиц знающих его местопребывание, знакомые просят сообщить адрес в редакцию „Вольного Казачества“.

Лиц, знающих о судьбе или местонахождении Михаила Аликпиевича Парамонова, бывшего в гражданскую войну командиром отряда при окружном управлении станицы Нижне-Чирской Донского Войска.

А также прошу откликнуться казаков станицы Суворовской.

Адрес: Иван Парамонов. Русская гимназия, Шумен, **Bulgaria**.

Адреса:

1. Казака ст. Черноярской Василия А. Тугуева, окончившего Лазаревский институт восточных языков. —
2. Кубанца г. Пивня (Мартина Забигайло) — находящегося в Сербии, просят сообщить в редакцию „Вольное Казачество“

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

К сведению хоров.

Второй бас (диапазон две октавы: „до“ верхней добавочной и „до“ октава нижней добавочной) предлагает свои услуги. С апреля месяца с. г. может и в отъезд за границу. Пел во многих хорах. Хорошо знаком с нотами. Знает как духовные, так и светские песни, русские и украинские (и новейших композиторов),

Адрес: **Tchecoslovaquie. Poděbrady-Lazne, Zamek 1/1 a p. Prochaska. N. Bohatyrev.**

Кубанец Н. К. Богатырев.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11, Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.